

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сиделка

ДЕЛИЯ РОССИ

18+

Делия Росси

Сиделка

Серия «Дарштейн», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50583549

SelfPub; 2024

Аннотация

«Сиделка, окончившая лекарские курсы при Брегольском медицинском колледже, предлагает услуги по уходу за одинокой пожилой дамой или девицей. Исполнительная, аккуратная, честная. Имеются лицензия на работу и рекомендации. Для заключения договора просьба обращаться в бюро по найму номер шесть, располагающееся по адресу: Бреголь, Кобург-рейне, дом 23». В тот день, когда писала это объявление, я и предположить не могла, к каким последствиям оно приведет. Впрочем, началось все не с него. Раньше. С того самого момента, как я оказала помощь незнакомому раненому магу. А ведь в Дартштейне даже дети знают, что от магов лучше держаться подальше. «Видишь одаренного – перейди на другую сторону улицы», – любят повторять дарты. Увы, мне пришлось на собственном опыте убедиться, что поговорки не лгут и что ни одно доброе дело не останется безнаказанным. (Содержит нецензурную брань).

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	60
Глава 3	103
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Делия Росси

Сиделка

Глава 1

– Держи свои деньги.

Старая гримза сунула мне пять ронов и брезгливо скривилаась.

– А рекомендации?

Я вскинула на нее вопросительный взгляд, стараясь убрать из глаз насмешку.

– Вот, – тера Барни достала из ящика стола бумаги и небрежно придвинула их ко мне. – Бери и выметайся из моего дома. Чтобы я тебя и минуты лишней не видела.

– Всего доброго, тера Барни.

Я взяла исписанные косым почерком листы и вышла из кабинета. О, мне многое хотелось бы ответить своей нанимательнице! Только толку-то с того? Место все равно потеряно. И душу отвести не удастся, с этой дамочки станется, ославит на весь белый свет. Хоть заплатила, и то ладно, могла бы и вовсе без денег оставить. И такое в моей жизни бывало.

Усмехнувшись, я сунула роны в карман пальто и направилась к черному ходу, которым пользовались слуги.

– Кэтрин!

Громкий возглас раздался неожиданно, заставив меня вздрогнуть и остановиться. Рес!

В хриплом голосе тера Барни слышались отголоски боли. Бросив взгляд на наручные часы, я нахмурилась. Действие лекарства заканчивалось, и у моего подопечного скоро должен был начаться приступ. Проклятье! Я замерла на месте, не в силах уйти. Вряд ли старая карга сумеет справиться с припадком. Может, остаться и помочь? В последний раз.

– Кэтрин, где же вы?

Я повернула назад, собираясь дать тера Барни его микстуру, но в этот момент дверь кабинета распахнулась, и мимо меня торопливо прошла тера Барни.

– Ты еще здесь? – обернувшись, прошипела она. – Я же велела тебе убираться!

Ответить я не успела. Моя бывшая хозяйка уже потянула на себя причудливую бронзовую ручку и вошла в спальню.

– Ты звал, дорогой? – совсем другим тоном спросила тера.

– Где Кэтрин? – задыхаясь, прохрипел тер Барни. – Позови ее, мне больно, рес тебя подери!

– Кэтрин у нас больше не работает, – сухо ответила тера Барни.

– Что?

– У нее заболела мать, и девушке пришлось срочно уехать.

М-да. Тера Барни не отличалась богатой фантазией. Впрочем, как и большинство моих нанимательниц. Пару раз у меня заболела мать, четыре раза – старая тетушка, трижды

умирал отец и один раз – сестра. И это при том, что я круглая сирота.

– Но она вернется?

– Ах, дорогой, Сантавия – слишком далеко от Бреголя. Вряд ли Кэтрин захочет сюда возвращаться.

– А как же я? Я без нее не смогу! Я умру, если Кейт не будет рядом!

– Ну, не нужно преувеличивать, дорогой, – с мягким укором ответила тера Барни.

– Ты не понимаешь! – сварливо отмахнулся от нее муж. – Кто мне теперь поможет?

– Мы найдем тебе новую сиделку, а пока я сама за тобой присмотрю.

– Ты? Вздор! – вспылил тер Барни. – С тебя все равно никакого проку. Мне нужна Кэтрин! Только она может избавить меня от боли!

– Ну, полно, дорогой, – принялась увещевать его жена. – У тебя скоро будет новая сиделка, гораздо лучше Кэтрин.

– Но я хочу Кейт! Только ее! – продолжал упрячиться тер Барни.

– Милый, ну что ты такое говоришь? Разве тебе не нравится, как я за тобой ухаживаю? Давай, я укутаю твои ноги пледом...

Я не смогла больше слушать разговор супругов. Поправив на плече лекарскую сумку, надвинула поглубже темную шляпку, перехватила поудобнее саквояж и неслышно поки-

нула негостеприимный дом судьи Барни.

* * *

На улице было прохладно. Небо хмурилось, низкие тучи сердито нависали над островерхими шпилями домов. Проезжающие мимо мобили оставляли в воздухе клубы едкого дыма, а манекены в витрине ближайшего магазинчика зябко кутались в шерстяные шарфы. Октябрь... Сырой, неприветливый, промозглый.

Холодный ветер мгновенно пробрался под полы пальто, забился под платье, прошелся по шее. Я поежилась и плотнее запахнула воротник.

– Куда вам, тера? Отвезу быстро и недорого.

Остановившаяся пролетка обдала меня мелкими брызгами. Недавний дождь оставил после себя огромные лужи, обойти или объехать которые было невозможно. Мерзкая погодка. Середина осени, а такое ощущение, будто уже ранняя зима.

Я посмотрела на молодого веснушчатого извозчика и спросила:

– Сколько возьмешь до Карстерс-роуд?

– С вас – полрена и поцелуй, – улыбнулся парнишка.

– Обойдешься без поцелуя, – хмыкнула я и взялась за дверцу. – Остановишься у гостиницы «Серая утка». Знаешь такую?

– Обижаете, тера! – оскорбился извозчик и взмахнул кнутом. – Но! Шевелитесь, увальни!

Черные неповоротливые красты нехотя тронулись с места, а я откинулась на спинку жесткого сиденья и погрузилась в нелегкие раздумья.

Что делать? Где искать работу? За последние два года это уже одиннадцатое увольнение. Если так пойдет и дальше, мне попросту придется сменить профессию.

И ведь не скажешь, что я не стараюсь. Стараюсь! Еще как! Только эффект получается обратный. Чем больше усилий я прикладываю, чтобы мои подопечные испытывали как можно меньше неудобств и боли, тем быстрее мне указывают на дверь.

Может, попробовать себя в чем-то другом? Но в чем? Без магии ничего, кроме грязной работы, мне не светит. Вот и выбирай – или подавальщицей в трактир, или шлюхой в бордель. Впрочем, это почти одно и то же.

– Мы на месте, тера! – раздался голос извозчика, и пролетка остановилась.

Я недоуменно отодвинула шторку. Неужели так быстро доехали? Точно. Старая выцветшая вывеска с изображением толстой утки качалась на ветру, хмуро отсвечивая грязно-серым фоном. Обшарпанные фасады окрестных домов непристеливо смотрели на мир маленькими, узкими окошками, в сточной канаве плавали обрывки газет и мелкие щепки.

На Карстерс-роуд ничего не изменилось. Казалось, жизнь

этой улицы застыла в глубоком прошлом Старой эпохи, когда еще не было ни мобилей, ни бирольного освещения, ни прочих благ цивилизации.

– Спасибо, – поблагодарила я паренька, заплатив ему обещанные полрена.

– А поцелуй? – усмехнулся наглец. Его хитрые серые глаза лукаво блеснули.

– Перебьешься.

– Жаль, – притворно вздохнул парень. – А я уж было надеялся, что встретил любовь всей своей жизни.

Он взмахнул кнутом, поторапливая крастов:

– Но! Трогайте, ресовы дети!

Я хмыкнула, наблюдая, как исчезает за поворотом легкая пролетка, а потом вздохнула, поправила сумку и толкнула скрипучую дверь гостиницы.

– Ба! Неужели мои глаза меня не обманывают, и это снова ты?

Громкий голос Папаши Дюка перекрыл гул обеденной залы, заставляя всех замолчать.

– Спешу порадоваться за твое зрение, оно все такое же острое.

Я улыбнулась старому знакомцу и подошла к стойке.

– Моя комната свободна?

– А как же? Вот как чувствовал, что ты появишься, выкинул вчера оттуда одного молодчика, – хохотнул Папаша Дюк, и его необъятный живот колыхнулся над стойкой. – Как

жизнь, Кейт? Снова ищешь работу?

– Ты же знаешь, это мое любимое занятие.

Я усмехнулась и окинула хозяина гостиницы внимательным взглядом. За то время, что мы не виделись, Папаша Дюк ничуть не изменился. Он по-прежнему был огромным и толстым, как бочка, а его пудовые кулаки все так же легко могли свернуть шею любому расхोдившемуся постояльцу.

– Голодная?

– От твоей похлебки не откажусь.

Я расстегнула пальто и огляделась вокруг.

– Иди, присядь вон за тот столик. Тильда сейчас все принесет.

– Мне бы руки помыть.

А еще лучше, принять ванну. После слов теры Барни так и хотелось вымыться. «Как ты посмела положить глаз на моего мужа, неблагодарная дрянь? Думаешь, я не вижу, как ты на него смотришь? Хочешь втереться в доверие и прикарманить его денежки? Не выйдет! Пока я стою на страже интересов тера Барни, тебе ничего здесь не светит!»

Удивительно, как слепы бывают женщины, выдавая свои фантазии за реальность и принимая простую жалость и желание облегчить боль за притворство и ложь.

– Иди в мою конуру. Я пока отправлю Бетси прибраться в твоей комнате. Знаю, как ты на чистоте помешана.

– Спасибо. Ты настоящий друг, – с признательностью посмотрела на хозяина гостиницы.

– Иди уже, – проворчал тот.

Я улыбнулась и скользнула за его спину, к незаметной двери.

Берлога Папаши Дюка была темной и запущенной. На стульях висели мятые штаны и сюртуки, на столе валялись кипы бумаг, окно было мутным и засиженным мухами, а на полу лежал пыльный, давно не чищенный ковер.

Протиснувшись между креслом и комодом, я скользнула за ширму и включила воду. Небольшой нагреватель утробно загудел.

М-мм... Красота!

Я подставила ладони под струю воды и прошептала:

– Все беды и обиды уходите прочь, пусть душа расправит крылья и минует жизни ночь.

Старый наговор, которому научила меня Жильда, помог расслабиться и забыть о неприятностях. Не знаю, самовнушение тому виной, или еще что, но после этого немудреного ритуала мне всегда становилось легче.

– Кейт, ты там не уснула?

В дверь просунулась голова Папаши Дюка.

– Хватит плескаться, похлебка остывает.

– Иду.

Я торопливо умылась, вытерла руки и лицо носовым платком, не доверяя свежести висящего на крючке полотенца, и вышла в общий зал.

– Дня, Кейт! – поздоровалась Тильда и уставилась на ме-

ня с плохо скрытым любопытством. – Что, снова с работы выгнали?

– Ты, как всегда, невероятно наблюдательна, – усмехнулась я.

– Опять, небось, хозяйка приревновала?

– Что-то вроде того.

Я разложила на коленях салфетку.

– Ох, бедовая ты девка, Кейт, – вздохнула подавальщица, и ее могучая грудь колыхнулась в низком вырезе блузки. – Тебе бы, с твоей внешностью, во дворце каком жить, и верою обмахиваться, а ты судна выносишь, да пристаивания всяких уродов терпишь.

– Каждому свое, – философски заметила я и покосилась на глубокую миску с плавающими в ней кусочками картофеля и моркови.

– Сегодня с потрохами, наваристая, – сообщила Тильда, выставив тарелку с подноса. – Ольдин свеженькие привез. Так уж нахваливал!

Подавальщица улыбнулась, и ее полные губы открыли ряд крепких белоснежных зубов.

– На вот тебе хлеба еще, – она положила на стол два толстых ломтя. – Ешь, а то отошала совсем.

– Спасибо, Тиль.

Я не стала отказываться от бесплатной добавки к ужину и взялась за ложку.

– На здоровье, – хмыкнула подавальщица, прижав поднос

к крутому бедру.

– Тильда! – раздался звучный голос Папаши Дюка. – Ты еще долго лясы точить будешь? Клиенты ждут!

– Иду! – отозвалась Тиль.

Она направилась к столику, за который уселась шумная компания наемников, ловко уворачиваясь на ходу от нескромных прикосновений и не обращая внимания на сальные шуточки постояльцев.

Я обвела глазами зал. Публика у Папаши Дюка собиралась разномастная. Небогатые купцы, рыночные торговцы, военные – в основном из низших чинов, зажиточные крестьяне и карточные шулера. Один из последних, Карел Ручка, как раз присматривал себе новую жертву. Я видела, как он, вроде бы невзначай, предложил разыграть партейку двум заезжим негоциантам. Ага. А вот и дружок его подтянулся, Эрик Косой. Местная знаменитость. Маленький, верткий, неуловимый, он умудрялся всего за пару секунд обчистить карманы собеседника, да так, что тот ничего не успевал почувствовать.

– Не может быть! Кейт, лапочка, неужели это ты?

О, нет! Только этого мне и не хватало! Громила Кревен. Мерзкий сутенер подошел к столику и уставился на меня голодным взглядом. Желтые волчьи глаза пошарили по моему лицу, скользнули к скромному вырезу платья и задержались на серебряном кулоне, висящем у меня на шее.

– Кейти, детка, ты все так же прекрасна! – выдохнул Крев.

Я продолжала молча есть похлебку.

– Что? Снова в поиске?

В голосе оборотня послышалось едва заметное злорадство.

Я невозмутимо отломил кусочек хлеба и отправила его в рот.

– А что я тебе говорил? – вкрадчиво произнес Крев. – Не прошло и двух месяцев, и ты снова здесь!

Он облокотился на стул и похабно улыбнулся.

– Знаешь, в чем твоя беда, Кейт? У тебя слишком много гонора и упрямства. Никто не будет долго терпеть такую гордычку. Ну, что молчишь? Скажешь, я не прав?

– Отодвинься, Крев, ты мешаешь мне есть, – равнодушно ответила я.

С оборотнями по-другому нельзя. Покажи им страх или волнение – не отстанут.

– Ах, простите, Ваше высочество! – губы Кревена разъехались в издевательской усмешке, обнажив крупные клыки. – Я и не заметил, что вы вкушаете пищу! Не извольте гневаться. Мы же с полным пониманием.

Он оторвался от стула и отвесил шутовской поклон.

– Вы слышали, уважаемые теры? – Крев обвел взглядом переполненный зал. – Мы мешаем нашей герцогине ужинать!

Вокруг раздались смешки, а раззадоренный оборотень наклонился ко мне, обдав острым запахом чеснока, и прошеп-

тал:

– Не заносись, Кейт. Ты ничем не лучше любой из моих шлюх. Просто строишь из себя благородную, а на деле такая же сучка, как и все бабы.

Он протянул руки и попытался меня обнять, а я, посмотрев грустным взглядом на почти полную тарелку, надела ее Кревену на голову. Ошметки капусты запутались в его густых волосах, жирные дорожки потеками расползлись по лицу, яркая морковная звездочка застряла за ухом...

– Ах ты ж дрянь!

Оборотень утерся ладонью и замахнулся, но ударить меня не успел. Крепкий кулак Папаши Дюка обрушился на его лохматую голову, и Крев мешком свалился на пол.

– Ты как, Кейт? – заботливо спросил меня хозяин гостиницы, вытирая влажные руки фартуком.

– Нормально, – кивнула я и вздохнула. – Похлебку жалко. Не успела толком распробовать.

Я покосилась на лежащего у моих ног оборотня. Тот не подавал признаков жизни, что и неудивительно – удар у Папаши Дюка что надо!

Поправив платье, безразлично отодвинула носок туфли от безжизненной туши.

– Тильда! – гаркнул Папаша Дюк. – Принеси похлебку нашей Кэтрин! Живо!

Он пнул Кревена в бок и подозвал вышибалу.

– Вынеси этот мусор. И проследи, чтобы он сегодня сюда

не возвращался.

Молчаливый Солен подхватил оборотня и поволок его к выходу.

– Спасибо, Дюк, – поблагодарила я своего неизменного заступника.

– Да ладно. Было б за что. Давно пора было эту шваль отсюда выкинуть.

Папаша потрепал меня по голове и пошел к своему месту за стойкой. Я задумчиво проводила его взглядом. Все-таки хорошо, что судьба привела меня в тот день именно в «Серую утку». Иначе даже не знаю, где бы я сейчас была.

– Вот, – подавальщица с грохотом поставила передо мной огромную миску. Я подняла на Тильду глаза, а та нахмурилась и принялась учить меня жизни: – Ох, Кейт, что ж ты такая упрямая? Я тебе сколько раз говорила, не перечь ты Кревену! Ну, погладит тебя пару раз, пощупает, от тебя, что – убудет? Что ты, как благородная, за честь свою держишься? Вот попомни мои слова, однажды Крев не выдержит, зажмет тебя в темном углу, да и отходит по-полной.

– Знаешь, Тиль, если я позволю Креву к себе прикоснуться, то окажусь в этом самом темном углу еще быстрее, чем ты думаешь, – хмыкнула я.

– А что? – напала на меня подавальщица. – Сама виновата. Ты ж для местных мужиков, как вечная приманка. Дразнишь их, а в руки не даешься. Гляди, как бы беды не вышло. Сколько я тебе говорила – выбери себе покровителя, да и

живи спокойно. Пушай он за тебя перед остальными ответ держит.

– Не по мне это, Тиль, – вздохнула я. – Не нужны мне покровители. Мне работа нужна. И возможность зарабатывать деньги.

– Ой, дура девка! – с жалостью посмотрела на меня Тильда. – Внешность Единый дал, а умом обидел. Да я бы с таким личиком уже давно с маркизом каким-нибудь жила, и на самом модном мобиле разъезжала! И дом бы на Ридлент-ар купила. И...

– Тильда! Ресова баба, ты долго еще прохлаждаться будешь?

Разъяренный рев Папаши Дюка прервал мечтания подавальщицы.

– Иду! – отозвалась Тиль и проворно двинулась к стойке, а я, наконец, смогла зачерпнуть похлебку и насладиться крепким наваристым бульоном.

* * *

Пужинав, оставила на столе полрена и поднялась на второй этаж. Комната, которую выделил мне Папаша Дюк еще в первый день моего пребывания в Бреголе, была единственным местом, которое я могла назвать своим домом. Если посчитать, я провела в ее стенах гораздо больше времени, чем где бы то ни было. Ни маленькая мансарда в доме судьи Бар-

ни, ни просторная пристройка в имении теры Дюбаль, ни крошечная каморка в замке Дурвинов, ни куча других комнат и комнатушек, которые я поменяла за два года, так и не стали для меня родными. А вот узкая, похожая на пенал комнатка в «Серой утке» вызывала в душе нечто, похожее на привязанность.

Толкнув дощатую дверь, я вошла и огляделась. Невысокая кровать, веселенький набивной ситец на стенах, колченогий стул, круглый стол в углу, большой старомодный шкаф и маленькое зеркало над потертым рукомойником – с моего последнего визита здесь ничего не изменилось.

Поставив саквояж на пол и положив на него сумку, я остановилась у окна и выглянула наружу. Свет фонарей освещал безлюдную Карстерс-роуд. Дома напротив были темными и запущенными. Пятна сырости на давно некрашеных стенах, позеленевшие, не чищенные бронзовые ручки, покосившиеся решетчатые ставни... Когда-то эта улица была оживленной и шумной, но семь лет назад мэрия проложила новую дорогу на Эрголь, и старый выезд из города оказался заброшен, а вместе с ним захирела и Карстерс-роуд.

Я задернула шторы, повесила в шкаф плащ и подошла к рукомойнику. Вода была ледяной, но это меня не остановило. Если уж не получилось принять ванну, то стоило хотя бы обмыться немного перед сном. Это было мое первое незыблемое правило – в постель следует ложиться чистой.

Скинув блузку, намочила полотенце и принялась обти-

раться. Сквозняк, гуляющий по комнате, заставлял вздрагивать от холода, но упрямство и привычка не позволили сдаться.

«Терпи, Кейт, – убеждала я себя, – пять минут мучений, и ты снова станешь человеком!»

Так и вышло. Вода больше не казалась холодной, кожа горела от прикосновений грубой льняной ткани, щеки покраснелись.

Улыбнувшись, я наскоро переплела косу, натянула ночную рубашку и нырнула в постель.

Стоило мне опустить голову на подушку, как тут же вернулись мысли о работе. Словно рой злых ос, они накинлись на меня и жалили, жалили, жалили...

Где искать место? Быть может, мне стоит попытаться найти какую-нибудь одинокую старушку, не имеющую родственников мужского пола? Или чахоточную даму. Или старую деву, живущую в уединении пригородного имения. А что? Столица большая, тут кого только нет! Дам объявление в «Брегольские ведомости», укажу желаемые условия, кто-нибудь да откликнется.

И с Тильдой поговорю, может, она знает нуждающуюся в уходе пожилую теру. Да. Так я и сделаю. Больше никаких мужчин.

С этими мыслями, я незаметно уснула.

– Кейт! Кэтрин, проснись!

Громкий шепот Папаши Дюка заставил меня открыть гла-

за. Висящие напротив кровати часы показывали три утра. М-да. Рановато, однако.

– Что случилось? – убрав от лица выбившиеся из косы пряди, посмотрела на хозяина гостиницы.

– Вставай, Кейт, – серьезно ответил тот. – Одевайся, и пойдем, нужна твоя помощь.

Я резко села в постели. Голова казалась чугунной.

– Больной?

– Да, – кивнул Папаша Дюк, и по его лицу я поняла, что дело плохо.

Эх... Прощай, ночной отдых...

Не задавая лишних вопросов, я поднялась и стала одеваться. Это был не первый случай, когда мне приходилось оказывать помощь постояльцам «Серой утки», так что ничего удивительного в ночном визите хозяина гостиницы не было.

– Я готова, – одернув блузку, подхватила лекарскую сумку и выжидательно посмотрела на Папашу Дюка.

– Идем, – кашлянув, ответил тот.

Мы спустились по лестнице, свернули в узкий коридор, прошли его до самого конца и оказались у небольшой темной двери, ведущей на нижний этаж.

– Заходи, – открывая ее, буркнул Папаша Дюк.

М-да. Судя по поведению хозяина гостиницы, зрелище мне предстояло то еще.

Я шагнула вниз.

Тусклая масляная лампа осветила низкие своды полуподвального помещения, и ее колеблющееся пламя выхватило из темноты яркую циновку, покрывающую каменный пол, стоящие вдоль стен лавки, большой, грубо сколоченный стол и низкий топчан, на котором лежал укрытый плащом мужчина.

В затхлой атмосфере подвала отчетливо чувствовался запах крови.

– Вот.

Папаша Дюк протиснулся в дверь и замер за моей спиной.

– Нашел на крыльце, – пояснил он. – Услышал шум, вышел, ну и наткнулся...

Я подошла к раненому, откинула тяжелую ткань, и покачала головой. Плохо. Очень плохо.

– Мне понадобится вода, спирт и много света, – сосредоточенно сказала своему сопровождающему.

Зная Папашу Дюка, можно было не сомневаться, что скоро все это будет в моем распоряжении.

Не тратя времени на разговоры, хозяин «Серой утки» кивнул и вышел, а я разложила инструменты, тщательно протерла руки обеззараживающей настойкой и принялась срезать обрывки одежды, закрывающие огромную рваную рану.

Интересно, каким предметом она была нанесена? Похоже на огромный нож с зазубринами. Или это следы гигантских клыков?

– Вот, – на стол рядом со мной опустил чан с водой,

и Папаша Дюк принялся выкладывать из карманов толстые свечи.

– Зажигай все, – распорядилась я. – И привяжи раненого к кровати, чтобы он не мог пошевелиться.

Я наблюдала за тем, как хозяин гостиницы перетягивает руки и ноги пострадавшего ремнями, а сама настраивалась на предстоящую операцию. Вообще то, что я собиралась сделать, было незаконно. Без лицензии я не имела права браться за лечение, но другого выхода не было. Если не промыть и не зашить рану, неизвестный истечет кровью и умрет. А искать среди ночи кого-либо из практикующих докторов – гиблое дело. Ни один из них и шагу не ступит за порог своего дома, не получив вперед пять ронов.

– Готово, – отчитался мой помощник.

– Отлично, – кивнула я и принялась аккуратно освобождать края раны от обрывков одежды. – Будем надеяться, что парень выдержит.

По худому лицу мужчины прошла судорога, но он так и не пришел в себя.

– Куда он денется? Если уж попал к тебе в руки, значит, выживет, – хмыкнул хозяин гостиницы.

С тех пор, как я вылечила Папашу Дюка от застарелого радикулита, он свято уверовал в мои лекарские способности и рассказывал о них всем желающим его послушать. А такие всегда находились, и в «Серую утку» постоянно тянулись больные, в надежде на то, что я им помогу. «Видишь,

Кейт, – говорил Папаша Дюк. – Люди доверяют тебе больше, чем докторам!» Ха! Насчет своих особых способностей я не обольщалась, скорее, понимала, что бесплатное лечение привлекательнее платного, вот народ и идет.

Я посмотрела на неподвижно лежащего мужчину. Молодой. На вид лет тридцать. Темные волосы слиплись от пота, в лице – ни кровинки, крупный нос заострился, под глазами залегли глубокие тени, тонкие губы посинели.

– Ладно. Попробуем вытащить этого несчастного из лап костлявой.

Я склонилась над неизвестным, обработала кожу вокруг раны спиртом и принялась стягивать ее края.

Время шло, дыхание моего пациента становилось все тяжелее и прерывистее, и я торопилась.

«Давай, парень, ты не можешь меня подвести! Потерпи еще немного!»

Наконец, последний стежок – и можно было немного выдохнуть.

– Ну вот, а ты говорила, не выдержит, – довольно сказал Папаша Дюк, глядя, как я накладываю повязку.

– Ему еще предстоит ночь пережить, – остудила я излишний оптимизм хозяина гостиницы.

– Переживет, куда он денется, – хмыкнул Папаша Дюк. – Устала? – он заботливо погладил меня по голове.

– Да нет.

Я пожала плечами и принялась мыть руки. Мне трудно

было судить о степени собственной усталости. Ну да, есть немного. Но это нормально, учитывая, что я толком не спала.

– Я позову Бетси, она посидит с раненым, а ты иди, отдохнай, – подавая мне чистое полотенце, распорядился Папаша Дюк.

– Нужно следить, чтобы больной не сбил повязку. И напоить его вот этой настойкой, как только он очнется.

Я достала из сумки бутылку с касильской микстурой и поставила ее на стол.

– Пять капель на ложку воды, – напомнила хозяйину гостиницы. – И пусть пока не дает ему много пить, только губы смачивает.

– Не переживай, Бетси не впервой твои указания выполнять, – хмыкнул Папаша Дюк. – Справится.

Я кивнула, взяла свою сумку и, перед тем как уйти, бросила на раненого последний взгляд.

Лицо мужчины было все таким же бледным.

– Интересно, как он здесь оказался? – вслух подумала я. – Плащ недешевый, да и сюртук бархатный. Судя по всему, у парня есть деньги.

Я рассматривала дорогую одежду, и душу одолевали смутные сомнения. Простые люди так не одеваются. Большинство дартов носят купленные в магазинах готовые вещи, а позволить себе «старый стиль» могут либо аристократы, либо нувориши. Но что им делать на Карстерс-роуд, в самом бедном районе столицы?

– Вот, очнется, тогда и узнаем, – откликнулся Папаша Дюк. – Может, еще и отблагодарит.

– Не знаю, – задумчиво протянула в ответ. – Как бы у нас из-за него неприятностей не вышло. С богатыми только свяжись...

Я легонько покачала головой и потянула на себя дверь.

* * *

Остаток ночи я провела, ворочаясь на узкой кровати и тщетно пытаюсь уснуть. В голову лезли всякие надоедливые мысли. Работа, безденежье, подкрадывающиеся холода, отсутствие теплой одежды...

Измучившись, поднялась с первыми лучами солнца и принялась приводить себя в порядок. Это было моим вторым незыблемым жизненным правилом – что бы ни случилось, выглядеть нужно так, будто у тебя все отлично.

Застегнув блузку, я одобрительно оглядела в зеркале свое отражение и, бросив взгляд на часы, поспешила вниз.

В общем зале было тихо. В низкие окна проникал хмурый свет осеннего утра, сонная Тильда, позевывая, растапливала камин, за конторкой дремал мальчишка-портье.

– Проснулась уже? – вскинула на меня взгляд подавальщица. Она чиркнула кресалом и подожгла тонкие щепки. – Чего это ты так рано?

– Не спится.

Я подошла ближе и завороженно уставилась на огонь. Мне всегда нравилось наблюдать, как медленно разгорается пламя, какими робкими поначалу кажутся его языки, как потрескивают поленья и как ярко вспыхивают, сдаваясь под натиском огня.

– Бетси еще внизу?

– Вроде бы. Ей-то что? Сиди себе, ничего не делай. Не работа – удовольствие.

Тильда сердито фыркнула и распрямилась. Если Тиль дать повод, она будет долго расписывать недостатки сменщицы. Не знаю, что послужило причиной, но обе работницы Папаши Дюка терпеть друг друга не могли и не упускали случая пожаловаться на соперницу.

Я знала об этой старой вражде, поэтому постаралась незаметно улизнуть.

– Пойду, проверю, как там раненый, – быстренько развернувшись, направилась к подвальной двери.

– И скажи этой бездельнице, чтобы она оторвала свой зад от стула и шла работать, – крикнула мне вслед Тильда. – Я за нее полы мыть не буду.

Я молча кивнула и поторопилась спуститься вниз.

– Утра, Кейт, – улыбнулась мне полненькая, румяная Бетси. Ее добродушное лицо просияло улыбкой.

– Как больной? В себя не приходил?

– Часа два назад очнулся, я дала ему настойку, и он сразу снова уснул, – отчиталась Бет.

– Жара не было?

Я подошла к раненому и прикоснулась к его лбу. Кожа казалась прохладной. Это было хорошо. И лицо больше не выглядело пугающе бледным. В тусклом свете, падающем из узких окошек, я разглядела слабый румянец, пробивающийся на щеках мужчины.

– Нет. И не буянил он. Лежал ровнехонько, как положено. Очнулся, глазами так обвел все и на меня уставился. А потом спрашивает: «Где я?». Ну, я ему и сказала, что в гостинице. И настойку дала. Тут он и отключился.

– Ясно.

Я проверила повязку. Все чисто. Редкая удача. Видно, парень в рубашке родился.

– Спасибо, Бетси. Ты можешь идти, я сама с ним посижу.

– Ну да, пойду, – поднимаясь со стула, пробормотала Бет. – А то эта неумеха, небось, до сих пор печи не растопила.

Я не стала поддерживать любимую тему «заклятых по-друг», и Бет, вздыхая, поднялась со стула и пошла к выходу. Темная клетчатая юбка туго обтягивала ее широкие бедра, воланы, украшающие подол, зазывно топорщились, белоснежная блузка не скрывала роскошную грудь и полные, сдобные руки. Бетси была схожа с Тильдой и статью, и спелой, простонародной красотой, и внушительными габаритами. Может, именно поэтому обе служанки так враждовали?

Я невольно усмехнулась. Как и в любом другом обще-

стве, в «Серой утке» бурлили свои, непонятные посторонним, страсти.

– Кто вы?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула.

Посмотрев на раненого, наткнулась на цепкий, пронизывающий взгляд и мысленно выругалась. Черные глаза! Бездушные, угольно-черные глаза глядели на меня с бледного лица, вселяя произвольный страх. Не карие, свидетельствующие о небольшом магическом даре, не зеленые, говорящие о врожденной капельке силы, не желтые, подразумевающие природные способности, – черные. Ну надо же было так вляпаться! Вот как чувствовала, что с этим больным будут неприятности. Маг, да еще и из высших! Теперь понятно, почему на нем все так быстро заживает. Да и с одеждой вопросов больше нет – многие волшебники Дартштейна пренебрегают современной модой, предпочитая «старый стиль».

– Сиделка, милорд, – отвлекшись от размышлений, коротко ответила я.

– Имя? – требовательно уточнил незнакомец.

– Кэтрин, милорд.

– Это ты меня заштопала?

– Что вы, милорд! В гостинице был проезжий доктор, это он вам помог.

Я старалась говорить как можно убедительнее, но глаз не поднимала, прекрасно понимая, как многое может сказать

мой взгляд. Главное, чтобы маг не оказался Чтецом, иначе, рен цена всем моим усилиям.

– Ну, ладно. Что это за место?

– «Серая утка», милорд.

– И где она находится?

– На Карстерс-роуд.

– Рес!

Раненый выругался и попытался встать.

– Вам нельзя подниматься! – вскинулась я, укладывая его обратно. – Иначе шов разойдется.

– Глупости, – хмыкнул незнакомец и опять попробовал подняться. Его худое лицо скривилось от боли.

– Лягте.

Я снова удержала раненого и наткнулась на изучающий взгляд темных глаз.

Рес! Нужно быть осторожнее...

– Пожалуйста, вам нужно лежать, – уже более мягко сказала мужчине, поправляя повязку.

– Покомандуй еще, – хмыкнул незнакомец. – Спасибо за помощь, но мне некогда тут разлеживаться. Подай мой плащ.

Так, да? Я тут, понимаешь, жизнь ему спасаю, а он готов ее потерять из-за глупого упрямства?

– А теперь послушайте меня, милорд, – жестко произнесла в ответ. – Если вы подниметесь с постели, я не дам за вашу жизнь и ломаного рена. Это сейчас, под действием настойки, у вас нет никаких болей, но спустя полчаса эффект от микс-

туры закончится, и вы свалитесь в первую же придорожную канаву, где и умрете в жестоких муках. Так что советую вам лежать смирно и не пытаться свести на нет все наши труды.

Не дожидаясь, пока маг придет в себя, я налила в ложку сонное зелье и поднесла к его губам.

– Пейте, – приказала упряму и, не дожидаясь ответа, заставила проглотить лекарство.

– Что за?.. – попытался возмутиться больной, но зелье уже начало действовать, и вскоре он закрыл глаза и отключился.

– Вот так-то, – удовлетворенно кивнула, прислушиваясь к ровному дыханию мужчины. – Я никому не позволю портить мою работу.

До самого обеда больной спокойно спал, а я сочиняла объявление в газету. Дело это оказалось не таким простым, как представлялось поначалу. Нужно было описать все свои привлекательные стороны и при этом уложиться в три-четыре строчки.

Промучившись какое-то время, я все-таки составила небольшую заметку.

«Сиделка, окончившая лекарские курсы при Брегольском медицинском колледже, предлагает услуги по уходу за одинокой пожилой дамой или девицей. Исполнительная, аккуратная, честная. Имеются лицензия на работу и рекомендации. Для заключения договора просьба обращаться в бюро по найму номер шесть, располагающемуся по адресу: Кобург-рейне, дом 23».

Я перечитала написанное и задумалась. Стоит ли указывать, что наличие мужчин в доме нежелательно, или это только отпугнет потенциальных работодателей?

Подумав, решила оставить все, как есть. Мне бы сейчас хоть какое-то место найти, а то надолго моих сбережений не хватит. Нет, Папаша Дюк на улицу не выкинет, но нельзя же бесконечно пользоваться его добротой? Он для меня и так столько хорошего сделал!

В памяти всплыл промозглый зимний вечер, пустынная Карстерс-роуд, закрытые ставни домов и холодный ветер, гоняющий по улице обрывки газет и оберточной бумаги.

Я брела по дороге, сама не зная, куда и зачем иду. В тот момент мне было все равно. Голод и холод гнали меня вперед. Я понимала, что нельзя останавливаться, и все шла, шла, шла...

От голода кружилась голова, во рту было сухо от жажды, руки в тонких перчатках давно озябли и онемели. В душе прочно поселилась тоска.

Я уже почти отчаялась, и тут появился Папаша Дюк – огромный, нескладный огр, со зверским лицом и страшной улыбкой. Он вышел из дверей своего заведения, заложил большие пальцы рук за пояс фартука и уставился на меня тяжелым, придавливающим к земле взглядом. У меня тогда от страха душа в пятки ушла. А Папаша Дюк хмыкнул и спросил своим густым басом:

– Чего по улицам в такую погоду бродишь? Бездомная,

что ли?

– Приезжая, – ответила я.

Как ни странно, страх куда-то испарился, и мне стало все равно.

– Заходи.

Огр посторонился, давая мне возможность войти в гостиницу.

– У меня нет денег, – ответила я.

– Да ладно, заходи, – махнул огромной ручищей Папаша Дюк. – Не дело это, в такую погоду по городу бродить. Не ровен час, захвораешь.

Из-за распахнутой двери доносился вкусный запах мясной похлебки, слышался веселый шум голосов, на порожки падали отблески теплого желтого света. И я не стала долго раздумывать. Поднялась на крыльцо и шагнула в тепло общей залы.

– Кто вы?

Я так глубоко задумалась, что не заметила, как очнулся раненый. Подняв глаза, наткнулась на его настороженный взгляд и постаралась скрыть улыбку. Похоже, зелье не подвело. Не зря я за него старухе Герте целых три рона отвалила. Незнакомец не помнил ни меня, ни наш недавний разговор.

– Сиделка, милорд, – повторила свой прежний ответ.

– Где я? – последовал очередной отрывистый вопрос.

– В гостинице «Серая утка», милорд.

– И где находится эта гостиница? Что это за город?

– Вы в Бреголе, милорд. На Карстерс-роуд.

Широкий лоб незнакомца наморщился.

– Какой сегодня день?

– Пятница, милорд.

– Рес!

Маг ожидаемо выругался, откинул одеяло и попытался подняться. Вот же упрямец!

– Вам нельзя вставать, милорд. Ваша рана еще не зажила.

– Много ты понимаешь! Еще не хватало валяться в какой-то захудалой гостинице, – раздраженно заметил мужчина, ощупывая повязку и недовольно морщась. – Кто меня зашивал? Сама?

– Нет, милорд. Доктор.

Я старалась отвечать сдержанно. Ни к чему магу лишние подробности. От них никому не будет проку.

– Перевяжи, – властно распорядился раненый, усаживаясь на постели.

Скудные лучи осеннего солнца осветили тело мужчины, и я невольно задержалась взглядом на покрытой шрамами груди. Вчера ночью, когда я его зашивала, как-то не обратила внимания на старые раны, а вот сейчас с интересом разглядывала смуглую кожу незнакомца. Похоже, маг не раз побывал в переделках. Вот след от пули. А рядом с ним – косой шрам от удара меча и целая цепочка тонких, белесых швов, оставшихся после ножевых ранений.

– Долго еще будешь разглядывать? – хмыкнул маг.

Я молча вымыла руки и принялась менять повязку. Внутри зрело убеждение, что лучше мне не задерживать своего невольного пациента. Пусть уезжает. Шов выглядел нормально, воспаление почти спало, нагноений не было. И это замечательно. Еще пару дней – и от раны не останется и следа.

Я нанесла тонкий слой заживляющего зелья, наложила плотную повязку и посмотрела на незнакомца.

– Постарайтесь не напрягаться и не делать лишних движений, – посоветовала я ему. – Я позову хозяина гостиницы, он поможет вам одеться и подняться по лестнице.

Нет, я вполне могла бы сделать это сама, но мне не хотелось надолго оставаться с магом наедине. Сейчас он уже не был обычным безобидным больным, нуждающимся в уходе. Передо мной сидел властный, решительный мужчина, явно из Первой когорты магов, и от него исходила едва ощутимая угроза.

Я встала, собираясь уйти, но больной резко схватил меня за руку и вынудил повернуться.

– И что? Ты даже не спросишь мое имя?

В его глазах мелькнул опасный огонек.

– Мне оно ни к чему, милорд, – твердо ответила я.

– А деньги? Неужели ты не попросишь за свои труды достойное вознаграждение? – насмешливо спросил маг.

– Нет, милорд. Вы нуждались в помощи, я вам ее оказала. А теперь, извините, меня ждут дела.

Равнодушно посмотрев на мужчину, решительно выдержала ладонь из его захвата.

– Удачного дня, милорд.

Не дожидаясь новых вопросов, я быстро поднялась по лестнице и распахнула дверь. Вслед мне донеслось скептическое хмыканье.

* * *

– Кейт! Ты слышала? Тера Савира ограбили!

Не успела я войти в общий зал, как Тильда тут же оказалась рядом. Лицо подавальщицы покраснелось, глаза горели, толстые щеки чуть подрагивали, напоминая знаменитый свиной студень Папаши Дюка.

– Представляешь, прямо среди бела дня! – возбужденно рассказывала Тиль. – В собственной лавке! Вошли два заезжих молодчика, перекрыли выходы и обчистили кассу.

– И много взяли?

Меня не особо занимало это ограбление, мысли крутились вокруг недавнего пациента, но не проявить интерес значило смертельно обидеть Тильду.

– Тер Савир говорит, что больше ста ронов! – с придыханием ответила подавальщица.

– Тильда! Я сегодня дожусь свою похлебку? – донесся громкий окрик из-за углового столика. Дородный детина в ярко-красном мундире недовольно насупил брови и настой-

чиво сверлил взглядом широкую спину Тиль.

– Отстань, Олаф! – отмахнулась от него подавальщица. – Сказала же, готовится похлебка, жди.

Тильда скомкала в руках полотенце, собираясь вернуться к прежней теме.

– Ой, крику-то было! И полицию вызвали, и понятых...

– Тиль, Папаша Дюк у плиты? – перебила я подавальщицу.

– А где ж ему еще быть? Похлебку готовит.

– Пойду. Мне с ним поговорить нужно.

Я улыбнулась Тильде, протиснулась мимо нее за стойку и скользнула в раздвижные двери, мгновенно попав в жаркое нутро кухни. Шум голосов, белесый дымок, поднимающийся над кастрюлями, шкворчание жарящегося лука – в царстве Папаши Дюка кипела суетливая и насыщенная ароматами специй жизнь.

– О, Кейт! – увидев меня, хозяин гостиницы отложил огромный черпак и приветливо помахал рукой. – Ты как? Есть будешь? У меня сегодня грибная похлебка и отбивные из телятины.

Огр улыбнулся, отчего его круглое морщинистое лицо сморщилось еще больше, и ловко перевернул на сковороде большой кусок мяса.

– С удовольствием, только попозже, – ответила я. – Там раненый очнулся и собрался уходить. Ты бы проводил его.

– Как это он так быстро очухался? – в выпуклых зеленых глазах Папаши Дюка мелькнула настороженность. – Маг, что

ли?

– Он самый. Причем, из высших.

– Каратен ураз! – вполголоса выругался хозяин «Серой утки», выложил мясо на тарелку и обернулся ко второму повару.

– Берни, присмотри за похлебкой, – приказал он ему. – А ты, Кейт, посиди пока здесь. От греха подальше.

Папаша Дюк снял фартук, бросил его на стол и протиснулся к двери.

– Не высовывайся, – напомнил он мне. – Я его уведу.

Я молча кивнула. Все-таки хорошо, когда есть кто-то, кому ты небезразлична.

После ухода Папаши Дюка я отошла к окну и принялась ждать. Минуты бежали одна за другой, на улице поднялся ветер, а вскоре по стеклу уже застучали первые робкие капли. Осень в этом году выдалась дождливая. Я вспомнила о прохудившихся туфлях и поморщилась. Купить новые или все-таки подождать? Что, если я не смогу найти работу? Лучше пока не тратить деньги, они могут мне понадобиться. Но, с другой стороны, по лужам в стоптанной обуви долго не ходишь. И перед нанимателями нужно предстать в достойном виде.

– Кэтрин, а откуда этот маг взялся? – неожиданно спросил Берни, заставив меня обернуться.

Повар ловко опрокинул в большой чан с похлебкой содержимое огромной сковороды и посмотрел на меня с плохо

скрытым любопытством.

Ох, уж этот Берnard! Он просто обожает всякие слухи и сплетни!

Маленький, юркий, словоохотливый гном не пропускал ни одной новости и знал все, что происходит в «Серой утке» и в ее округе.

– Папаша Дюк нашел его на крыльце, – коротко ответила повару.

– Говорят, малому сильно досталось?

– Не особо.

Я пожала плечами и снова отвернулась к окну.

Мне не хотелось выдавать подробности. Кто знает, чем нам аукнется это благодеяние? Вполне возможно, что оно окажется из разряда наказуемых. Как в той поговорке – не делай добра, не получишь зла.

Я задумалась, наблюдая за пустынной улицей. Небо потемнело, ветер гнал по дороге опавшую листву, лужи подернулись рябью.

– Кейт, а ты не боишься, что этот маг настучит на тебя в префектуру?

– Толку бояться? Что он сумеет доказать? Пока я его зашивала, он валялся без сознания, так что может только догадываться, как все было.

Я усмехнулась.

– Не скажи! – покачал головой гном. – Маги – они такие. Им лишь бы простого человека подловить. Вывернут все на-

изнанку – и плати штраф. Уж я-то знаю. О, никак, хозяин его уводит?

Бернард подошел к окну и привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть происходящее.

Пока мы разговаривали, на крыльце черного хода показался Папаша Дюк, ведущий под руку раненого мага.

– Ты гляди, какой здоровенный! – присвистнул Берни. – А до чего бледный! Кейт, ты уверена, что ему можно вставать с постели?

– Покуда действует настойка – можно.

Я наблюдала за тем, как маг медленно переставляет ноги, и невольно хмурилась. В душу закрадывалось сомнение. А точно ли парень выдержит? Не поторопилась ли я от него избавиться?

В этот момент раненый обернулся и посмотрел прямо мне в глаза. Нет, за светлой занавеской увидеть нас с Бернардом он не мог, но внутри возникло удивительно неприятное ощущение, и тело словно молнией прошило.

– Ух, как зыркнул! – удивленно присвистнул Берни. – И все-таки, повезло парню, что у нас оказался.

– Сомневаюсь, что он это понимает, – чуть слышно хмыкнула я.

– Интересно, а как маг в наш район попал? – не слыша меня, продолжал рассуждать гном. – И кто его ранил? Драки поблизости не было, иначе мы бы знали, может, его кто-то до нас довез, да и выкинул?

Серые глаза Бернарда беспокойно поблескивали, лоб наморщился, выдавая работу мысли, высокий поварской колпак чуть подрагивал, отзываясь на суетливые движения гнома.

– Берни, в нашем случае, меньше знаешь – крепче спишь, – осадила я друга.

– Вот, вечно ты так! – надулся Бернард. – А еще говорят, что женщины любопытны!

Я ничего не ответила.

– Ну, хоть денег-то он тебе дал? – не выдержав долгого молчания, спросил гном.

– О чем ты? Нет, лорд, конечно, спросил, почему я платы за свою работу не прошу...

– А ты что?

– Берни, когда человек хочет отблагодарить, он не задает таких вопросов.

– Да уж, – Бернард грустно вздохнул. Его маленькое личико забавно сморщилось, бровки насупились, нижняя губа выдвинулась вперед. – Может, хозяину чего заплатит? – задумчиво спросил он.

– Бьюсь об заклад, Папаша Дюк ни рена не возьмет, – усмехнулась в ответ. – Еще и уверит, что для него огромная честь помочь господину магу.

– Ох, и то верно. Когда маги простых людей ценили? Думают, что мы живем только для того, чтобы им прислуживать, да еще и радоваться этому, по их мнению, должны, –

вздыхнул Берни и тут же спохватился. – Батюшки! Я ж про похлебку забыл!

Он кинулся к плите, а я чуть сдвинулась в сторону, продолжая наблюдение. Папаша Дюк вывел раненого на дорогу, маг что-то сказал, обращаясь к хозяину гостиницы, а тот энергично помотал головой и принялся низко кланяться.

Да. Все, как я и предполагала. От благодарности Папаша Дюк отказался. И правильно сделал. В Дартштейне не зря существует поговорка – видишь мага, перейди на другую сторону улицы. Опыт, так сказать. Многовековой негативный опыт.

Маг чуть поморщился и властно поднял руку. Неужели собирается построить портал? Точно! Воздух сгустился, задрожал и замерцал открывшимся телепортом. Вот это да! Ничего себе, силища!

Мне стало не по себе. Это кого же мы приютили? Судя по уровню, маг явно из самых высших чинов, приближенных к королю. М-да. Незадача. Не хватало только с придворной знатью связываться. Пожалуй, надо побыстрее искать себе место и уходить из «Серой утки».

Я вспомнила, что оставила в подвале написанные объявления и заторопилась. Нужно было сдать их в редакцию и поскорее. Может, уже завтра кто-нибудь откликнется, и у меня будет работа.

Мои надежды не оправдались. С тех пор, как я отнесла в «Брегольские ведомости» и в «Утреннюю звезду» объявления, прошло уже две недели, а подходящей работы все не было. В бюро теры Бэском меня тоже ничем не смогли обнадеежить.

– Вы же понимаете, милочка, представителей вашей профессии много, и найти работу всем желающим довольно сложно, – подняв глаза от стопки аккуратных папок, заявила хозяйка бюро. Она чуть отодвинула печатную машинку, выровняла пресс-папье и недовольно добавила: – К тому же, вам слишком часто отказывают от места, и это наводит на размышления.

– Неужели?

Я не смогла скрыть иронию.

– Да, милочка, – поджала губы тера Бэском.

Она едва заметно покачала головой, и ее уложенные в высокую прическу седые локоны укоризненно качнулись.

– Как я могу рекомендовать вас клиентам, если вы ни на одном месте больше трех месяцев не задерживаетесь?

– Тера Бэском, есть некоторые обстоятельства...

Договорить я не успела.

– Знаю я ваши обстоятельства, – безапелляционно заявила пожилая тера. – Скромнее нужно быть, милочка. Скром-

нее. И выглядеть более...

Тут тера Бэском запнулась, пытаясь подыскать подходящие слова, но в этом не было нужды. Я прекрасно ее поняла. Проклятая внешность! От нее одни неприятности.

– И все же, тера Бэском, у меня на вас вся надежда, – я постаралась улыбнуться как можно приветливее и положила на стол три рона. – Если появится вакансия, вы ведь оставите ее за мной?

– Даже не знаю, – задумчиво протянула тера, но деньги взяла, и они незаметно исчезли в ящике ее стола. – Попробую вам помочь. Зайдите через неделю, может, что-нибудь и появится. Но я ничего не обещаю, – тут же поторопилась предупредить она.

С тех пор я уже два раза навевывалась в бюро, но работы для меня так и не было.

– Кейт, ты чего обедать не идешь? – Тильда грохнула на стойку поднос с пустыми кружками и уставилась на меня внимательным взглядом.

– Не хочется, – ответила я, машинально разглаживая потрепанную гостевую книгу.

Папаша Дюк попросил меня подежурить, пока Олли уехал к матери, и я скучала за конторкой. Новых постояльцев не было, так что никакой пользы заведению я не приносила.

– Иди, поешь. Все равно, никого нет.

– Я пока не буду.

Не скажешь же, что денег почти не осталось?

– Хватит свою гордыню лелеять, – не отставала Тиль. – Папаша Дюк велел тебя бесплатно кормить.

Что ж, в доброте хозяина «Серой утки» я и не сомневалась. Но ведь нельзя же ею злоупотреблять? Я всячески старалась быть полезной, попыталась даже несколько раз помочь работницам с уборкой, но Папаша Дюк быстро пресек мой порыв.

«Береги руки, Кейт, – сказал он. – Они у тебя золотые».

И забрал ведро и швабру.

– Вот, сколько раз тебе говорить? Забудь ты про свой гор-
но-р! – фыркнула подавальщица, но тут же вздохнула и уставилась на меня с сочувствием. – Что в бюро говорят? Есть вакансии?

– Нет.

Я покачала головой.

– А по объявлениям? Тоже ничего?

– Ничего.

– Плохо. Я среди соседок поспрашивала, но ты же понимаешь – времена нынче тяжелые, лишнего рена ни у кого нет, многие уже и от прислуги отказываются.

Это да. Реформы, затеянные лордом Дальгеймом, заставили жителей королевства затянуть пояса.

– Знаешь, Тиль, я все-таки надеюсь, что мне повезет.

– И правильно. Сколько людей вокруг болеют? Кому-то да понадобятся твои услуги.

Тильда заправила за ухо выбившуюся прядь и перекинула

косу за спину. От этого движения тонкая ткань ее блузки натянулась, выставив напоказ довольно объемную грудь подавальщицы. Тиль всегда гордилась своим бюстом. Впрочем, там было чем гордиться.

– Эй, рыжая, долго еще ждать? – подал голос нетерпеливый посетитель. – Неси похлебку, не то я тебя саму съем!

– Вот прожорливое отродье, – тихо пробормотала Тиль и тут же, растянув губы в приветливой улыбке, двинулась в зал. – Не беспокойтесь, уважаемый тер, – сладко сказала она, останавливаясь рядом с угловым столиком. – Сейчас я все принесу.

Тильда чуть нагнулась, позволяя клиенту обозреть низкий вырез ее блузки, и поправила лежащую на столе салфетку.

– Да, уж поторопись, милочка, – не отрывая взгляда от декольте подавальщицы, уже более мирным тоном ответил посетитель. Его толстые губы сложились в плотоядную усмешку, маленькие глазки маслянисто заблестели, а огромная ладонь легла на крепкий зад Тильды и по-хозяйски его огладила.

– Что вы, тер, я девушка честная! – возмутилась Тиль, но в глазах ее появилось обещание, дающее надежду на более близкое знакомство.

Я усмехнулась. Похоже, сегодняшней ночью в десятом номере будет жарко.

В этот момент, колокольчик над входной дверью звякнул, и в зал вошел укрытый длинным плащом мужчина. На улице

шел дождь, черная ткань, в свете масляных ламп, блестела от стекающих по ней капель, на полу мгновенно образовалась небольшая лужа. Незнакомец снял капюшон, тряхнул длинными темными волосами, и я мысленно застонала. О нет! Только не он!

Маг, словно почувствовав мой взгляд, повернулся и уставился прямо мне в глаза.

– Кейт, ты не видела Бетси? – протискиваясь за стойку и расставляя чистые стаканы, спросила Тиль.

– Она в мансарде, убирает номера, – машинально ответила я, не отрывая взгляда от недавнего пациента.

– Знаю, как она убирает, – проворчала Тильда. Стеклянная посуда громко звякнула. – Небось, с постояльцем из пятнадцатого кувыркается.

– С чего ты так решила?

Я повернулась к Тиль, стараясь не смотреть на усевшегося за столик мага.

– Да она все утро вокруг него терлась, – фыркнула подавальщица. – Чисто кошка.

Я вспомнила высокого грубого мужлана, занимающего пятнадцатый номер, и поморщилась. Нет, никогда мне не понять той легкости, с которой местные работницы сходятся с состоятельными посетителями.

– Чего скривилась?

Тильда, видимо, разгадала мои мысли.

– Вот закончатся у тебя деньги, посмотрю, как долго ты

протянешь со своим чистоплюйством.

Она взяла блокнот и, демонстративно виляя бедрами, направилась к столику, за которым сидел прибывший маг.

– Доброго утречка, Ваша милость, – елебно произнесла подавальщица, останавливаясь рядом с моим недавним пациентом. – Что будете заказывать?

Я незаметно усмехнулась. Тиль нюхом почуяла богатенького клиента и теперь постарается сделать все, чтобы раскрутить того на полный заказ и на хорошие чаевые.

– У нас сегодня вкуснейшее рагу из баранины и жареные в сметане почки. А на десерт дреберский маковый пирог.

– Принеси рагу и чего-нибудь выпить, – небрежно бросил маг, поигрывая золотой цепочкой от часов.

– Сию минуточку, Ваша милость.

Тильда резко крутанулась, позволяя оборкам юбки взметнуться и открыть полосатые чулки, и направилась на кухню, а я принялась наблюдать за магом. Из-за моей конторки хорошо просматривалась та часть зала, где стоял его столик, и можно было незаметно разглядеть недавнего пациента. Похоже, чувствовал он себя неплохо. Небольшой румянец на гладко выбритых щеках, уверенные движения крупных рук, цепкий взгляд черных глаз, прямая осанка – ничто не указывало на недавнее ранение.

На душе полегчало. Все-таки с тех пор, как раненый ушел из «Серой утки», у меня нет-нет, да и возникало беспокойство. Хотелось узнать: все ли в порядке с моим нечаянным

пациентом? Не загноилась ли рана? Не причинил ли ему вреда поспешный уход?

В этот момент входная дверь с шумом отворилась, и в гостиницу, пошатываясь и размахивая руками, ввалился Кревен.

Рес! Только его не хватало! Я попыталась незаметно спрятаться за деревянную колонну, подпирающую галерею, но было уже поздно – оборотень увидел меня и, ухмыльнувшись, направился напрямиком к конторке.

– Мое почтение, «герцогиня»! – склонившись в шутовском поклоне, манерно произнес Крев. Он оперся о столешницу, обдав меня непередаваемым амбре из смеси шнапса, чеснока и кислой капусты. – Вижу, Папаша Дюк пристроил тебя к делу?

Оборотень усмехнулся, и его желтые глаза маслянисто заблистали.

– Правильно. Такой милашке каждый будет рад накинуть пару ренов сверх счета.

Он обернулся и обвел обеденный зал мутным взглядом, а я нащупала за спиной тяжелый совок для угля и сжала его в руке. На всякий случай. В разговоре с таким упертым ммм... мужчиной подобный железный аргумент не помешает.

Я быстро оглядела Крева. Пьян, но на ногах держится достаточно уверенно. И движения почти осознанные. Рес! Принесла же его нелегкая! И Папаша Дюк как раз отлучился...

– Тиль, накрывай на стол! Я сегодня щедрый, – крикнул оборотень. – Собираюсь угостить Кэтрин королевским обедом! – он протянул ко мне свою волосатую руку и ухмыльнулся. – Пошли, детка. Составишь мне компанию, а я дам тебе два рона. На новое платье.

– Отстань, Кревен, – спокойно ответила оборотню. – Я не голодна, и новое платье мне без надобности.

– Ты посмотри, она еще и ломается! – хмыкнул Крев. – Пошли, я сказал.

Он крепко ухватил меня за запястье и потянул на себя.

– Отпусти!

Я попробовала вырвать руку, но оборотень лишь злорадно усмехнулся и крепче сжал пальцы.

– Пусти, а то хуже будет!

– Да что ты? Ой, напугала! – рассмеялся Крев и снова потянул меня из-за конторки.

Я больше не раздумывала ни секунды – подняла совок и замахнулась.

– Ненормальная! – взвыл оборотень, ощутив силу обрушившегося на его плечо удара. Увы. До головы я не дотянулась. И очень жаль, между прочим. Удар не нанес Кревену ощутимого ущерба и не лишил желания накормить меня обедом.

– Хватит ломаться, Кейт, – дернув за руку, оборотень вытащил меня из-за конторки. – Пошли, посидишь со мной. От тебя не убудет.

– Слушай, Крев, тебе что, своих девчонок мало? Чего ты ко мне привязался?

Я с досадой поморщилась. Нет, ну, правда. У самого в подчинении целая толпа дамочек всех мастей, от блондинок до брюнеток, а он все ко мне клеится!

– А мне, может, нравятся такие, упрямые, – хмыкнул Кревен, и на меня вновь пахнуло смесью шнапса и кислой капусты. – Идем. Всего-то и делов – посидишь рядом, пока я поем.

– Я тебе уже сказала – нет, – резко выдернув руку из его захвата, я отскочила в сторону. – Учись понимать человеческий язык, волк, – ты меня не получишь!

– А ну, стой! – рявкнул Крев, но было уже поздно.

Я быстро юркнула в берлогу Папаши Дюка и заперла дверь на засов. И только потом выдохнула и привалилась к стене.

Проклятый оборотень! Неймется ему. Что за дурацкая натура? Теперь точно не успокоится, пока не добьется своего. Волки – они такие. Не терпят отказов и готовы на все, лишь бы заполучить понравившуюся женщину.

В Артакии, из которой они родом, слишком вольные отношения между полами, и оборотни не привыкли себя ограничивать. Вот и в Дартштейне ведут себя по своим законам, а власти смотрят на это сквозь пальцы. Впрочем, чему удивляться? Оборотни держат весь подпольный бизнес столицы и щедро делятся с мэрией доходами. Кто ж откажется от дармовых денег?

Я хмыкнула, машинально оглядела комнату и отвлеклась от невеселых мыслей. Интересно, как Папаша Дюк умудряется жить в таком свинарнике? На кухне у него все сияет чистотой, а здесь, в «личных апартаментах», ногу сломать можно. Настоящая огровская пещера – на креслах и на высокой кованой кровати валяются штаны и рубашки, на окнах криво болтаются сорванные с крючков занавески, на полу полно оберточной бумаги и прочего мусора.

М-да. Если мне придется сидеть здесь до возвращения хозяина гостиницы, то лучше провести время с пользой.

Закатав рукава рабочего платья, я повязала вместо фартука полотенце и принялась за уборку. Собрала разбросанную одежду и повесила ее в шкаф, подцепила на крючки оборванные шторы, поправила криво висящие картины и, обнаружив в углу за шкафом метлу, тщательно подмела полы.

А в голове все это время крутились неотвязные мысли. Нельзя мне здесь оставаться. Нельзя. Крев не успокоится, покада не добьется своего. Это сейчас он по-хорошему разговаривает, но скоро ему надоест, и оборотень просто подкараулит меня где-нибудь, да и возьмет силой. И ведь никто не заступится. Брегольцы предпочитают не вмешиваться в чужие разборки, тут каждый сам за себя. И Папаша Дюк не всегда рядом будет. Да и не обязан он меня все время спасать.

«Собирай вещи, Кейт, – шепнул внутренний голос. – Пора искать другое пристанище. Кревен – злопамятная скотина,

он ни за что не простит унижения».

Я грустно вздохнула. Пожалуй, и впрямь пора сматывать-ся.

Короткий стук в дверь заставил насторожиться. Кого там еще нелегкая принесла?

– Кейт, это я, – слышался тихий голос Бетси. – Открой дверь. Кревен уже ушел.

– Сейчас, Бет.

Я отодвинула засов ипустила в комнату взволнованную служанку.

– Ну, ты даешь, Кейт! – едва переступив порог, напустилась на меня Бетси. – Неужели так трудно было посидеть с Кревом? Он же теперь тебя в покое не оставит!

– Думаешь, если бы я с ним посидела, он дал бы мне спокойно уйти?

Хмыкнув, поставила метлу на место и тщательно вымыла руки.

– Странная ты все-таки, Кэтрин.

Бет неодобрительно покачала головой.

– Вот что тебе стоит быть как все?

– Прогибаться под всякую мразь и делать вид, что счастлива от этого?

– Но ты ведь женщина!

Бетси недоуменно вскинула на меня яркие голубые глаза и уставилась с явным осуждением.

– Ты должна быть благоразумной. Иной раз не грех и про-

гнуться. Не переломишься.

– Бет, давай не будем обсуждать мои жизненные принципы? – примирительно улыбнулась я и погладила служанку по плечу.

Ссориться с Бет мне не хотелось. И спорить тоже.

– Говоришь, Кревен ушел?

– Да. Побушевал немного, а потом ухмыльнулся криво и выскочил за дверь. Явно что-то задумал.

Бетси огляделась и удивленно покачала головой.

– Порядок навела? Не боишься, что Папаша Дюк ругаться станет? Он терпеть не может, когда в его берлоге кто-то хозяйничает. Нас с Тиль и близко не подпускает.

– Ничего. На меня он кричать не рискнет.

– Слушай, я ж зачем пришла? Там тебя постоялец спрашивает. Пришлый этот, которого ты вылечила.

– Чего ему от меня надо?

– Поговори – и узнаешь, – пожала плечами Бет. – Может, отблагодарить тебя хочет.

Я с сомнением посмотрела на служанку. Отблагодарить? Это вряд ли. Магам незнакомо такое чувство, как благодарность.

– Ладно. Пойду, выясню, что ему нужно.

– Кейт, ты, это, – неуверенно пробормотала Бетси. – Ты поласковее с ним. Мало ли, может, он тебе денег даст за лечение.

– Не уверена. Но я постараюсь быть с ним предельно веж-

ливой.

Я подмигнула Бет и вышла в общий зал.

* * *

– Добрый день, уважаемый тер.

Взгляд, которым одарил меня недавний пациент, сложно было назвать доброжелательным. Цепкий, въедливый, неприятный. Да, благодарностью тут и не пахнет! Впрочем, чего еще ожидать от мага?

Я опустила глаза и чуть склонила голову, стараясь не выдавать своего скептического настроения.

– Садись, – не ответив на мое приветствие, отрывисто бросил мужчина и кивнул на соседний стул.

Я молча села. Что ж, посидим, послушаем, что господину аристократу в «Серой утке» понадобилось. А к еде-то не притронулся, брезгует. Вон, миски полные. И похлебка, и почки с кашей. И эль не выпил. Только от пирога небольшой кусочек отломил. М-да. Видать, не по вкусу пришлась простая пища.

– Милорд? – не выдержав долгого молчания, вопросительно взглянула на мага.

Тот задумчиво крутил в руках вилку, глядя куда-то в сторону, и лицо его было холодным и непроницаемым. Темные волосы, стянутые в хвост, широкий лоб, крупный нос, впалые щеки – мага трудно было назвать красивым, но бы-

ло в его внешности что-то, что привлекало внимание. То ли скрытая сила, то ли яркая мужская харизма.

– Хочу предложить тебе работу, – отложив прибор, неожиданно огорошил маг.

Ничего себе! От неожиданности я удивленно уставилась на гостя.

– Мне нужна опытная сиделка, – пояснил тот. – Кров, пропитание и хорошую оплату гарантирую. Десять ронов в неделю.

– Вы не выглядите человеком, которому нужна сиделка.

Я уже более спокойно посмотрела на мужчину. Его худое лицо слегка скривилось в непонятной гримасе, но тут же приняло прежний невозмутимый вид.

– Разумеется, сиделка понадобилась не мне, – отрывисто ответил маг.

– Кому-то из ваших родственников?

– Да.

– Это мужчина?

– Какая разница?

Маг взглянул на меня с высокомерным удивлением. Его тонкие губы презрительно скривились.

– Разве тебе не все равно, за кем ухаживать? Я предлагаю хорошие деньги, думаю, этого достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов.

В том-то и дело! Очень хорошие деньги! Мне редко удавалось заработать больше пяти ронов, а тут получался сразу

двойной тариф. Плюс кров и пропитание. Идеальные условия. Знать бы только, в чем подвох? Я уже давно привыкла к тому, что в каждой бочке меда есть своя ложка дегтя.

– Чем болен ваш родственник?

– Последствия ранения. От тебя потребуется своевременно менять повязки и давать лекарства.

Ага. Всего-то. Я незаметно усмехнулась, но тут же приняла серьезный вид. Надо сказать, предложение мага пришлось очень кстати. Вот только я почему-то не торопилась его принимать.

– Как зовут вашего... больного?

– Его имя тебе ни о чем не скажет.

– И все же?

– Лорд Фредерик Горн, граф Эргольский и Санресский, – в голосе мага снова послышались высокомерные нотки.

М-да. Еще один аристократ из высших.

– Он женат?

– О нет, – хмыкнул маг.

Уже легче. По крайней мере, некому будет ревновать.

– А где находится его дом?

– В Эрголе, – неохотно обронил мужчина и тут же поинтересовался: – Ты всегда задаешь так много вопросов?

– Должна же я знать, на что рассчитывать.

– Думаю, в бюро по найму ты ведешь себя иначе. По крайней мере, тера Бэском уверяла меня, что тебе очень нужна работа.

Вот как? Получается, он уже и в бюро наведаться успел? Я вспомнила написанные не так давно объявления и вздохнула. Очень неосмотрительно было оставлять их в подвале! – Вы разговаривали с терой Бэском?

Я внимательно взглянула на мага. Знать бы, что эта дамочка обо мне рассказала. Впрочем, из всех владелиц она еще более-менее нормальная. Вьедливая, конечно, но не вредная. И о своих подчиненных заботится. В других агентствах дела обстоят гораздо хуже. В столице десять бюро, которые занимаются наймом обслуживающего персонала, и каждый работник приписан к одному из них. Сами мы не имеем права заключать контракт с работодателем, за нас это делают агенты бюро. И рекомендации с очередного места службы мы приносим в контору. И назначения получаем оттуда же. Нет, попытаться найти работу самостоятельно можно – хоть через объявления, хоть лично, но контракт все равно придется заключать в бюро.

Интересно, тера Бэском уже получила свои комиссионные?

– Я подписал все бумаги, – словно подслушав мои мысли, холодно произнес мужчина.

Он замолчал, бросил на меня острый взгляд и равнодушно добавил:

– Впрочем, если ты не нуждаешься в работе...

Договаривать маг не стал. Подхватив трость, поднялся из-за стола и небрежно кинул на салфетку пять ренов.

– Когда нужно выезжать? – пересилив неясные предчувствия, спросила я.

– Сейчас, – ответил маг. – Сходи за вещами, я подожду на улице.

Он чуть нахмурился, отчего лицо его приобрело суровое выражение, и добавил:

– И постарайся не задерживаться.

– Еще один вопрос, милорд. Как мне к вам обращаться?

– Лорд Каллеман, – коротко ответил маг.

Он направился к выходу, а я, подхватив юбки, припустила к лестнице. Как бы там ни было, отказываться от столь щедрого предложения не стоило. Тем более что оставаться в «Серой утке» стало небезопасно.

– Бет, передай Папаше Дюку, что я его люблю, – крикнула я идущей навстречу Бетси. – И скажи, чтобы не забывал мазать спину раковой мазью.

– А ты куда?

– Мне предложили работу, – отозвалась я и взбежала по ступенькам. – Ехать нужно прямо сейчас, – договорила уже сверху, перегнувшись через перила галереи.

– Ох, Кейт, ну и дела! Вот Тильда расстроится, что с тобой не попрощалась! Как не вовремя она в лавку ушла!

– Ничего не поделаешь.

Я отперла дверь своего номера, быстро собрала вещи, подхватила лекарскую сумку и уже через несколько минут покинула гостеприимный дом Папаши Дюка.

– Это все твои вещи? – покосившись на мой саквояж, спросил лорд Каллеман. Он стоял на тротуаре, сложив за спиной руки и оглядывая пустынную Карстерс-роуд с видимым отвращением.

– Да, милорд.

Маг непонятно чему усмехнулся.

– Негусто, – заметил он и открыл портал. – Давай руку.

Каллеман крепко ухватил мою ладонь и быстро шагнул в сверкающее марево, утягивая меня за собой.

Глава 2

Портал выкинул нас посреди людной площади, расположенной на пересечении нескольких улиц. Шум, гам, крики зазывал, неспешно прогуливающиеся люди, гудки мобильных... Я быстро огляделась. Справа виднелась ратуша, сложенная из серого дорского камня, слева – огромный собор, протыкающий хмурое небо своими острыми шпилями, чуть в стороне поблескивали золочеными пиками кованые ворота, преграждающие вход в городской парк. Листья на его деревьях давно пожелтели, но все еще держались, не сдаваясь наступившим холодам.

– Иди за мной, – коротко приказал Каллеман, и мне пришлось оторваться от разглядывания местных красот.

– Мы в Эрголе? – уточнила я.

– Да, – отрывисто ответил маг, уверенно пробираясь сквозь толпу. – Не отставай, – поторопил он.

Я и не отставала. Суэта большого города была для меня привычной. Эрголь мало отличался от большинства дартских городов. Все они строились по одному принципу – центральная площадь с непременноми ратушей, церковью и прилегающим парком, дальше шли особняки знати, за ними – торговые лавки и дома зажиточных горожан, еще дальше – домишки тех, кто победнее, а на окраинах селилась беднота и всякие отбросы общества.

Шли мы недолго. Уже спустя несколько минут Каллеман остановился у высокой кованой ограды. За обманчиво легкой металлической вязью открывался вид на идеально-ровные клумбы, обрамляющие не менее ровные дорожки.

– Готова? – маг кинул на меня какой-то непонятный взгляд и нахмурился. Мне даже показалось, что лорд чего-то опасается. Интересно бы знать, чего?

– Да, – отозвалась я и покосилась на калитку, ожидая, когда же Каллеман ее откроет, но тот не торопился. – Что-то не так?

– Я должен тебя предупредить, – маг оттянул галстук, словно тот ему мешал. – У твоего... У лорда Горна достаточно сложный характер.

– Это не проблема. У большинства больных портится характер.

– Не вздумай назвать графа больным! – маг сердито сверкнул на меня глазами. – Лорд Горн этого не потерпит.

Я мысленно усмехнулась. Похоже, мне предстоит познакомиться с довольно капризным пациентом. Впрочем, в моей практике такие встречались нередко.

– Идем, – открывая калитку, сердито выговорил Каллеман, и я снова отметила, что он нервничает.

Занятно. Маг не показался мне трусом, но сейчас явно волновался. Похоже, мы идем либо к его начальнику, либо к человеку, от которого он зависит. Или к тому, кто ему очень дорог.

Вслед за Каллеманом я вошла во двор и незаметно огляделась. Зеленые квадраты газонов, тщательно подстриженные кусты, ровные стрелы аллей, расходящиеся от выложенной метрасской плиткой площади. И особняк, больше похожий на замок. Серый, угрюмый, с типичными острыми шпилями и высокими стрельчатыми окнами, густо усеивающими фронтон.

– Запомни, – продолжал наставлять меня Каллеман, пока мы шли по дороге к дому. – Чем тише и незаметнее ты будешь, тем дольше продержишься в Иренборге.

Интересное название имения – Иренбург. Знать бы, что оно обозначает? Впрочем, я совсем не о том думаю.

– Ты поняла? – не дождавшись от меня ответа, недовольно переспросил маг.

– Не тревожьтесь, милорд. Я сделаю все, что от меня зависит.

О, вы даже не представляете, как я буду стараться! А что еще мне остается? Если я лишусь этой работы, на дальнейшую карьеру можно будет больше не рассчитывать. Никто не захочет нанимать девицу, в послужном списке которой столько увольнений. Так что придется мне держаться за это место изо всех сил.

Пока я размышляла, мы подошли к крутой каменной лестнице, у основания которой стояли мраморные вазоны с поздними лероями. Крупные цветы ярко пламенели на белом фоне, притягивая взгляд. Я засмотрелась на них и невольно за-

пнулась. Перед глазами промелькнуло неясное воспоминание – светлый письменный стол, опрокинутая стеклянная ваза и разбросанные вокруг красные цветы. В душе шевельнулась тоска.

– За мной, – отрывисто бросил маг.

Он поднялся по ступеням, и, сделав неуловимый пасс, открыл парадную дверь.

– Проходи.

Каллеман посторонился, пропуская меня вперед.

Я невольно подивилась этому галантному жесту. С чего бы аристократу проявлять подобное внимание?

Видимо, маг заметил мое недоумение, потому что хмуро пояснил:

– Вход охраняет заклинание. Чужие могут войти в дом только в сопровождении доверенного лица.

Странно. Для чего такие сложности?

Я обвела глазами просторный холл. Свет, падающий из узких окон, позволил разглядеть лаконичный интерьер. Темное дерево панелей, на полу – черно-белая плитка, с потолка свисает огромная бронзовая люстра, в центре застыла монументальная лестница, ведущая на верхние этажи. Ее отполированные ступени блестели, свидетельствуя о трудолюбии местной прислуги.

Года полтора назад мне довелось работать в имении лорда Келлера, бывшего префекта Кранца. Так его экономка любила повторять: «Парадная лестница – это визитная карточка».

ка любого дома. Ее состояние может многое рассказать о хозяевах».

Лестница в доме лорда Горна выглядела идеально чистой и удручающе негостеприимной. Словно по ней никто и никогда не ходил.

– Нам навстречу, – с легким недовольством произнес Каллеман.

Я покосилась на него, пытаюсь понять, к чему отнести это недовольство. Судя по тому, как хмурился маг, можно было предположить, что его тревожит встреча с моим будущим пациентом. Интересно, почему?

– Лорд Каллеман! Вы приехали!

Неожиданный возглас прервал мои рассуждения, заставив поднять голову.

По лестнице торопливо спускался невысокий худощавый старик в темно-зеленой ливрее.

– Ох, Ваше сиятельство, мы вас так ждали! Милорд весь день ничего не ест и никого не пускает в свою комнату. Мы уже не знаем, что и делать!

Слуга оказался внизу и поклонился Каллеману.

– Доктор был? – озабоченно спросил тот.

– Да, Ваше сиятельство.

– И что?

– Милорд его снова выгнал.

– Проклятье, – сквозь зубы пробормотал маг.

Он нерешительно замер, а потом чуть слышно выругался

и повернулся ко мне.

– Пожалуй, тебе пока не стоит подниматься. Я поговорю с лордом Горном, предупрежу, что у него новая сиделка.

Так-так. Новая сиделка... Похоже, у меня были предшественницы. И о чем это говорит? Только об одном – у моего будущего пациента, судя по всему, очень непростой характер.

– Будет лучше, если я сама представлюсь лорду Горну, – спокойно посмотрела на Каллемана и шагнула на идеально отполированную ступеньку. Мне нужно было самой оценить масштаб проблемы.

– Не уверен, что это хорошая идея, – задумчиво произнес маг, но возражать все же не стал.

Мы молча поднялись на второй этаж, прошли по длинному узкому коридору и остановились у массивной дубовой двери. Ее высокое полотно было темным от времени, а мраморная плитка под ногами выглядела старой и потертой.

Маг постучал и, не дожидаясь ответа, повернул бронзовую ручку.

– Кого там рес принес? – послышался разъяренный рык. – Убирайтесь!

Каллеман не успел толком открыть дверь, как в нее что-то ударилось и с глухим стуком упало на пол.

– Дерек, это я, – громко произнес маг, не рискуя, однако, войти в комнату.

– Если ты привел очередного проходимца, лучше прова-

ливай! – в голосе говорящего послышались сердитые нотки.

– Нет, я один, – неизвестно почему солгал Каллеман, делая мне знак помалкивать. – Я войду?

– Ты ведь не оставишь меня в покое? – недовольно проворчал его невидимый собеседник. – Ладно, входи.

Каллеман открыл дверь, шагнул в комнату и поманил меня за собой.

Не особо понимая смысл происходящего, я тихо скользнула внутрь и замерла, удивленно разглядывая представшую моим глазам картину.

В просторной светлой спальне царил жуткий беспорядок – лежащее на полу одеяло, свисающие со стула обрывки бинтов, разбитая хрустальная ваза, из которой торчали жалкие остатки стеблей арантуса, перевернутая посуда с остатками еды и засохшими хлебными корками. Неподалеку от кровати валялся перевернутый столик, рядом с ним виднелись осколки графина, и мокрое пятно на ковре позволяло предположить, что еще не так давно стеклянный сосуд был полон.

А посреди всего этого бедлама, у стены, находилась огромная старинная кровать, на которой лежал молодой перевязанный бинтами мужчина. Крупный, высокий, с крепкими мускулистыми руками и рельефным торсом. Рядом с подушкой я заметила погнутый бронзовый подсвечник. Чуть дальше – комнатную туфлю. Вторая обнаружилась у двери. Видимо, именно ее падение и произвело недавний шум.

М-да. Похоже, работка мне предстоит та еще!

– Ты нашел что-нибудь? – резко спросил раненый, повернув голову в нашу сторону. Впрочем, видеть нас он все равно не мог – глаза мужчины закрывала плотная повязка.

– Нет, – коротко ответил Каллеман. – Но Аллан и Дуглас продолжают поиски.

– Рес! – выругался раненый и неожиданно насторожился. – Кого ты привел? – напряженно спросил он. Его тело окутала едва заметная темная дымка. С каждой секундой она становилась все более плотной и осязаемой.

Каллеман замер и уставился на меня с непонятной тревогой.

– Я Кейт, милорд, – не дожидаясь, пока маг придет в себя, представилась я. – Ваша новая... помощница.

В последний момент решила заменить слово сиделка, подумав, что так будет лучше.

– Помощница? – переспросил Горн, и лицо его скривилось в болезненной гримасе. – Какого реса? Мне никто не нужен.

Он попытался подняться, но тело не слушалось, и из затеи больного ничего не вышло.

Я незаметно усмехнулась. Уверена, с этим пациентом еще придется повоевать. Такие, как он, с трудом принимают собственную слабость и терпеть не могут, когда с ними начинают носиться.

– Дерек, ты же понимаешь, – принялся уговаривать друга Каллеман. – Кто-то должен за тобой присматривать, пока

ты...

– Убирайся! – рыкнул больной. Тьма заволновалась, то пропадая, то усиливаясь. – И помощницу свою заberi!

Он устало откинулся на подушки и застонал от боли.

Каллеман удрученно покачал головой.

– Дерек...

– Вон!

Тяжелый подсвечник пролетел всего в паре дюймов от головы мага, заставив того отшатнуться.

– Выйдите, – тихо сказала я Каллеману. – Мне нужно поговорить с лордом Горном наедине.

– Уверена? – маг вскинул на меня вопросительный взгляд. В его глазах мелькнуло опасение.

– Да.

Каллеман с сомнением посмотрел на друга.

– Идите, – чуть слышно повторила я.

Маг покачал головой, но послушался и вышел из спальни.

– Должна сказать, милорд, – я встала так, чтобы больно не смог до меня дотянуться, – что без должного ухода уже очень скоро ваши раны загноятся, и вы будете испытывать боль, и близко несоизмеримую с той, что чувствуете сейчас.

Лорд Горн едва заметно поморщился, но промолчал. На лбу его выступили капельки пота. Тьма исчезла.

– Я понимаю, что вам не нравится чувствовать себя беспомощным, но...

– Понимаешь? – перебил меня раненый. – К ресу твое по-

нимание! Мне никто не нужен! Иди отсюда!

Он пошарил рукой по постели, пытаясь отыскать что-то, чем мог бы в меня запустить, но арсенал метательных предметов, к счастью, уже успел закончиться, и Горну ничего не оставалось, как смириться с моим присутствием.

– Я не уйду, милорд, можете даже не стараться, – твердо ответила я, а потом наклонилась, разглядывая сбившиеся повязки.

Дело было плохо. Одна нога покраснела и сильно распухла, из-под бинтов выступали буро-желтые пятна гноя. Вторая выглядела не лучше, разве что ран на ней было меньше. На груди виднелись два воспаленных шрама, а на шее – длинный, глубокий порез, стянутый редкими швами.

– Пошла вон! – дернулся раненый. – Чтобы духу твоего здесь не было!

Ага. Так я и послушалась! Если я сейчас уйду, к утру у него, скорее всего, начнется горячка. А там и до надгробного памятника недалеко.

Я обвела комнату взглядом, увидела стоящий на подоконнике бокал и удовлетворенно кивнула. То, что нужно. Стекланный стакан был наполовину полон.

Достав из сумки касильскую настойку, капнула десять капель в воду и неслышно подошла к больному.

– Милорд.

– Ты еще здесь? – рявкнул тот и грубо выругался.

А я, не мешкая, влила ему в рот разведенное лекарство.

– Ты! – от неожиданности проглотив микстуру, взбешенно просипел больной, но губы облизал с видимым облегчением. Видно, графа давно мучила жажда. – Как ты посмела? Я тебя...

В этот момент голова его свесилась с подушки, и он затих.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнула я. – Как говорится, через «не хочу» к выздоровлению.

Времени у меня было немного. Кто знает, как надолго хватит действия настойки? Обычно я могла с точностью до минуты предсказать, когда пациент очнется, но этот случай был слишком тяжелым, и сложно было делать какие-либо прогнозы.

Не медля больше ни секунды, тщательно протерла руки обеззараживающей настойкой и принялась за перевязку. Работа была привычной – снять старые бинты, промыть раны, осушить их, оросить раствором апеса, обработать края, заложить в полость вытяжку из крапenea и перевязать. Со второй ногой мне пришлось повозиться. Там понадобилось ставить дренажи и откачивать гной.

Время шло, гора грязных, окровавленных бинтов и салфеток росла, а раненый лежал, не шевелясь и не подавая признаков жизни. Я закончила почти со всеми его ранениями, оставалось только лицо.

Кинув взгляд на наручные часы, едва слышно выругалась. Действия настойки надолго не хватит, нужно было поторапливаться. Понять бы еще, что не так? От ран ощутимо веяло

холодом, и это было явным признаком того, что в них попала какая-то магическая дрянь.

Я наклонилась над графом, чтобы удобнее было срезать повязку, но в этот момент крепкая рука ухватила меня за шею и сжала, лишая воздуха.

– Отпустите! – придушенно прошептала я.

– Тебе не удастся меня добить, ресово отродье! – рявкнул Горн. – Говори, кто тебя послал?

Хватка у мужчины, несмотря на все его раны, оказалась сильной.

– Я всего лишь сиделка, милорд, – с трудом пробормотала в ответ. – Меня привел к вам лорд Каллеман.

– Сиделка?

В голосе Горна слышалось недоумение. М-да... Похоже, мужчина еще не отошел от действия настойки. Но каков? Силен. И не скажешь, что при смерти.

Горн разжал руки и откинулся на подушки.

– Я промыла и перевязала ваши раны, – потирая шею, отчиталась о проделанной работе. – Осталось сменить повязку на лице, и вы сможете отдохнуть.

Больной напряженно, сквозь зубы, выдохнул, но ничего не сказал.

– Нужно будет совсем немного потерпеть. Я постараюсь сделать все быстро.

Я говорила ровно и спокойно, стараясь не нарушить хрупкое «перемирие».

– Что за дрянью ты меня опоила? – глухо спросил раненый.

– Это не дрянь, это касильская настойка, милорд.

Горн ничего не ответил. Он плотно сжал губы, чтобы не застонать, когда я снимала последний слой бинтов. Повязка присохла, и мне пришлось ее отмачивать.

– Что там? – не выдержав, через силу спросил он.

– Не так страшно, как можно было ожидать, – уверенно ответила я.

Нет, вид воспаленных, заплывших гноем век не внушал оптимизма, но говорить об этом больному мне не хотелось.

– Не ври! – повысил голос мужчина.

– Даже не собиралась, – фыркнула в ответ и тут же мысленно выругалась. Рес! Нужно быть осторожнее. Не стоит забывать об уважении к высшим. Это сейчас Горн не обращает внимания на мой тон, а вот потом...

Впрочем, с чинопочитанием у меня давние проблемы. Где-то глубоко внутри сидит с детства вбитое убеждение, что все люди равны, и я ничего не могу с собой поделать. Нет, у меня хватает ума не высказывать свои мысли вслух, но иногда я забываюсь и веду себя слишком вольно с точки зрения нанимателей.

– Почему я не могу открыть глаза? – недовольно спросил Горн.

Чувствовалось, что он задал этот вопрос через силу. Мда, батенька, да вы тот еще гордец! Не терпите слабость и

не любите признавать собственную беспомощность. Но ведь вам страшно. Страшно остаться слепым калекой. Страшно зависеть от других людей. Страшно потерять свою привычную жизнь... Страшно умереть.

– Воспаление и отек, – коротко ответила я. – Когда мы с ними справимся, станет легче.

– А ноги?

– Откуда эти раны? Такое ощущение, что их нанесли каким-то зазубренным оружием.

– Тебя это не касается, – отрезал Горн. – Лучше скажи, смогу я подняться?

– Пока рано об этом говорить, милорд. Должно пройти время.

Я говорила, а сама осторожно обрабатывала раны, пытаюсь понять, откуда они взялись. Судя по характерным белесым полоскам на висках, это было похоже на действие кислоты. Из тех, что при попадании на кожу разъедают ее до язв. Хорошо хоть, сами глаза не пострадали, только веки.

– И все-таки ты врешь, – отрывисто произнес больной.

– О чем вы, милорд?

– Ты не можешь знать, вернется ко мне зрение или нет.

– Почему же? Сами глаза не повреждены, видно, вы успели их прикрыть и увернуться от вашего недоброжелателя. Скорее всего, вам досталась лишь малая часть раствора, иначе все было бы гораздо хуже.

– Что б ты понимала, – тихо пробормотал Горн. Он чуть

привстал, опираясь на локти и спросил: – Ты закончила?

– Да, милорд.

Я как раз закрепила последний слой повязки.

– Уходи.

Голос больного прозвучал глухо. Что ж, неудивительно. Как бы ни был силен мужчина, после неприятной процедуры ему требовался отдых.

– Скажи Эрику, чтобы зашел, – устало произнес Горн и обессиленно рухнул на подушки.

Я молча собрала использованные бинты, сложила в сумку инструменты и пошла к выходу.

– И не мельтеши тут слишком часто, – бросил мне вслед больной.

Я хмыкнула. Можно было считать, что меня приняли на работу. Вот и отлично. Осталось выяснить, где я буду жить, и сменить дорожную одежду.

* * *

– Следуйте за мной, тера.

Кунц, тот самый слуга, что встретил нас в доме Горна, не задерживаясь, направился к лестнице.

Эх, а я-то рассчитывала послушать, о чем будет разговаривать с Каллеманом мой пациент! Не повезло. Теперь гадай, что на самом деле произошло с магами, и в какие неприятности они попали. Явно же что-то с этими ранения-

ми нечисто.

Я с сожалением покосилась на плотно закрытую дверь, неохотно подхватила саквояж и отправилась вслед за слугой, от нечего делать разглядывая своего провожатого. Кунц выглядел невзрачно. Худой, невысокий, с маленьким, морщинистым лицом. Пепельно-седые волосы зачесаны набок. Фалды старомодной ливреи смешно подпрыгивают при ходьбе, придавая лакею вид скачущего кузнечика. Судя по тонким ножкам, обтянутым зелеными штанами, и длинным ушам с характерными острыми кончиками, в роду Кунца не обошлось без эльфов.

– Скажите, а кто убирается в покоях лорда Горна?

Я решила, что пора налаживать контакты, и задала вопрос, который мучил меня с той самой минуты, как Каллеман открыл дверь в покои графа.

– Ох, тера, в том-то и беда, что никто, – развел руками Кунц. Он повернулся ко мне и сокрушенно покачал головой. – Раньше Ханна порядок наводила, а теперь милорд никого не пускает. Сами, небось, видели, как Его сиятельство себя ведет. Швыряется чем ни попадя, гонит всех. Одной Салли позволяет еду приносить, да и то, ворчит и ругается непрерывно.

– Ну и что? Пусть ругается. Только больному никак нельзя оставаться в таких ужасных условиях!

– Думаете, мы не понимаем? Но ведь характер у милорда какой! Его сиятельство всегда нелюдимым был, а уж сей-

час... Ханна намеренно зашла к нему, собиралась полы помыть, так милорд на нее накричал и выгнал. Эмма – это экономка наша – пробовала поговорить с хозяином, но он и ее выгнал. И тоже накричал. А Ларсона, дворецкого, так и вовсе взащей вытолкал, сказал, если тот еще раз войдет, то останется без места. Правда, после этого Его сиятельству совсем худо стало, сознания лишился, и тер Кауниц запретил его беспокоить.

Я невесело усмехнулась. «Запретил беспокоить...» А слуги и рады стараться. Оставили хозяина в одиночестве и ждут, чем все закончится. Трус...

Мы миновали коридор, спустились вниз и оказались в цокольном этаже, где располагались комнаты работников.

– Пожалуйста, тера.

Кунц распахнул одну из дверей.

– Располагайтесь, – он пропустил меня вперед и добавил: – В восемь у нас ужин. Кухня находится ниже, в подвале. Не опаздывайте.

– В доме много прислуги? – поинтересовалась я.

– Двадцать человек, – ответил лакей. – Не считая управляющего и дворецкого.

– Немало.

Кунц улыбнулся.

– Это что! – с видимой гордостью произнес он. – При покойном лорде Горне и до пятидесяти доходило. У одной леди Горн восемь личных камеристок было. А еще швеи, ка-

мердинеры, горничные, лакеи. Полон дом народу, внизу даже тесновато порой бывало. А уж когда гости съезжались, тут такая суета поднималась! Все с ног сбивались. Правда, и чаевые хорошие перепадали.

Он вздохнул и пригладил жиденькие седые волосы.

– А сейчас гости часто бывают?

– Откуда им взяться? Лорд Горн и сам-то здесь почти не живет. Беспокойный слишком, не сидится ему на одном месте. Как нашу хозяйку в Эрбрук отправил, так и забыл сюда дорогу. Все больше по заграницам. Вот и доездилис...

Слуга неодобрительно покачал головой, а потом нахмурился и поспешно принял отстраненный вид. Похоже, пожалел о собственной откровенности.

– А где милорда ранили? – деланно равнодушно спросила я.

На самом деле, мне очень хотелось прояснить для себя этот вопрос. То, что обоих магов кто-то изрядно потрепал, наводило на неприятные мысли. Не знаю, как Горн, но Каллеман слабаком явно не был, магия у него высшего порядка. И с такой силищей оказаться едва ли не при смерти? Это с кем же они сражались? Кто их враги?

– Да кто ж его знает? – ответил Кунц. – Пару недель назад милорд вывалился из портала прямо в холле, в кровище весь, бледный, как смерть, а под глазами сплошное месиво. Ну, да вы и сами видели, что у Его сиятельства с лицом. Эмма в крик сразу, – покачал головой слуга. – Ларсон за доктором

кинулся. Сам. Так перепугался, что про лакеев забыл. А уж когда тер Кауниц приехал... Ох, что тут началось! Так они с милордом ругались!

– Тер Кауниц – это доктор?

– Он самый. Милорд его прогнал и обозвал безмозглым идиотом. Потом еще доктора были, но Его сиятельство и их выгнал.

Я незаметно усмехнулась. Ох уж это сиятельство! Всех-то он выгоняет...

Слуга замолчал, а потом искоса посмотрел на меня и неуверенно спросил:

– А правда, что милорд умрет скоро?

– Что за глупости?

– Так говорят же, – неопределенно ответил Кунц.

– А что еще говорят?

– Что милорд ослеп совсем. И ходить не может.

– Это доктор сказал?

– Ну...

Кунц замялся.

– Видите ли, тера, они так громко ругались...

– Доктор с милордом?

– Да. Тер Кауниц убеждал Его сиятельство, что ноги нужно отрезать, вроде как в них что-то опасное попало. А если не отрезать, то, дескать, весь организм начнет гнить, и тогда уж точно ничем не поможешь. Салли своими ушами слышала.

– Вот как? Сама слышала?

Что ж, ничего удивительного. Я еще не встречала прислуги, которая не обладала бы распространенным пороком – любопытством.

– Ага. Думаете, правду доктор говорил?

Старик уставился на меня, в надежде, что я поделюсь с ним своими соображениями. Ха! Кто бы мне самой объяснил, что происходит. Раны графа трудно было назвать обычными. Если в них действительно попало какое-то магическое вещество, то тогда понятно, почему они не заживают.

– Пока сложно утверждать что-либо наверняка, – неопределенно ответила лакею.

Я не любила делать прогнозы, но и запугивать слуг не стоило. Скажи им, что хозяин при смерти, и вся работа в доме окончательно встанет.

– Думаете, выздоровеет лорд Фредерик? – спросил Кунц.

– У лорда Горна крепкий организм. Будем надеяться, справится.

– Ох, дай-то Единый! – вздохнул слуга, направляясь к выходу. – Ну, вы располагайтесь. И не забудьте, ужин в восемь.

Он смешно передернул плечами, отчего зеленая ливрея слегка перекосилась на бок, и захлопнул дверь. Занятный старик. Вроде, улыбается, а глазки острые, настороженные.

Я сняла с плеча лекарскую сумку, положила ее на стол и огляделась. Комната казалась небольшой, но в ней было все необходимое. Кровать, комод, узкий платяной шкаф, стул.

За дверцей в углу пряталась небольшая уборная, в которой обнаружили еще и крошечный поддон для мытья и нагреватель.

Похоже, в замке заботились о чистоплотности слуг.

Правда, купание я решила отложить на вечер, а пока занялась своими вещами. Нужно было повесить в шкаф немногочисленную одежду, разложить в комоде белье и поставить на полочку в ванной щетку и коробочку с зубным порошком.

Закончив, посмотрела на часы. Без пяти минут восемь. Что там говорил Кунц? Кухня в подвале? Пожалуй, следует поторопиться, чтобы не опоздать на ужин.

Я бросила взгляд в маленькое настольное зеркало. Светлые косы, голубые глаза, небольшой ровный нос – в моей внешности не произошло никаких изменений, но почему-то за привычным образом вдруг почудился совсем другой – счастливая улыбка, смеющийся взгляд, крупные локоны распущенных волос. Рес! Мое забытое прошлое снова напомнило о себе.

Я провела по лицу ладонью и вздохнула. Глупо думать о том, что было. Я – Кэтрин Стоун. Сиделка. И точка.

Вскинув голову, улыбнулась и замерла, услышав уверенный стук.

– Кэтрин!

Ага. Вот и Каллеман пожаловал.

Я распахнула дверь.

– Нужно поговорить, – с порога заявил маг.

– Проходите, – посторонившись, пропустила его в комнату.

Выглядел мужчина неважно. Щеки запали, под глазами залегли темные тени, лицо было бледным.

– Присядете?

– Нет, – он мотнул головой и остановился у стола.

– Может быть, воды?

– Нет, – снова отказался маг и огляделся. – Устроилась? – спросил он. – Что-нибудь нужно?

– Благодарю, здесь есть все необходимое.

– Ладно. Я хотел поговорить о другом.

Каллеман едва заметно поморщился.

– Голова болит? – спросила я.

– Что? – рассеянно переспросил он, обводя взглядом скромную обстановку. – А, да, немного. Но это мелочи.

Он замолчал ненадолго, подошел к столу, побарабанил пальцами по темной поверхности, а потом резко обернулся ко мне и спросил:

– Что ты сделала с Горном?

– В каком смысле?

Я удивленно уставилась на мага.

– Ему стало легче.

Каллеман посмотрел на меня с каким-то непонятным выражением. То ли испытующе, то ли подозрительно.

– Я всего лишь дала лорду Горну обезболивающее и обработала его раны.

– Да? Почему же тогда у Кауница ничего не вышло?

– Не знаю, милорд.

Я потупила глаза, изо всех сил изображая смирение. Разумеется, я знала, в чем дело, но говорить магу о том, что в обычную касильскую настойку добавлены еще несколько редких трав, не собиралась.

– Что-то ты темнишь, – с сомнением произнес Каллеман.

Он глядел пристально, не мигая. Вид черных колдовских глаз вызывал только одно желание – оказаться как можно дальше от их обладателя.

– Смотри, не подведи меня, – веско сказал маг.

– Я постараюсь, милорд.

Несмотря на волнение, голос мой прозвучал достаточно спокойно.

– Лорд Каллеман, вы можете сказать, что говорят доктора? Раны лорда Горна выглядят довольно необычно. Чем его ранили? Что за вещество было на оружии?

– Что эти доктора понимают? – буркнул маг, не желая что-либо объяснять.

Он задумался, машинально отбивая пальцами какую-то похожую на марш мелодию, а потом распорядился:

– Составь список всего необходимого. Любые лекарства, микстуры, расходные материалы.

– Милорд, но все назначения делает доктор.

Я удивленно посмотрела на Каллемана.

– Горн не желает видеть докторов, – заявил тот. – Придет-

ся тебе самой справляться.

– Но это невозможно, милорд!

– Да? – усмехнулся Каллеман. – И почему же?

– Я всего лишь сиделка, а лорду Горну нужен опытный врач.

– Со мной-то ты справилась? – небрежно произнес Каллеман, но за его словами я расслышала то, что маг не договорил. Казалось, он был прекрасно осведомлен о том, кто зашил его рану. Рес! Только этого не хватало.

Взгляд Каллемана стал давящим. Зрачки покраснели, белки исчезли, темная радужка затопила глаза пугающей чернотой. Страшное зрелище. Сколько сталкивалась с магами, но так и не смогла привыкнуть к их нечеловеческому виду. Каждый раз оторопь берет. И хочется сбежать куда подальше.

Сердце испуганно сжалось.

Я смотрела в темные омуты и видела там бездушный холод и тьму. Что ж, вот и пришла расплата за доброе дело. Как и полагается, оно не осталось безнаказанным. Проклятье! Как меня угораздило во все это ввязаться?!

«Спокойно, Кейт, – попыталась взять себя в руки. – Маг ничего не сможет доказать, так что все в порядке. Он просто пытается тебя запугать!»

Самовнушение сработало. Паника прошла, и я смогла довольно ровно ответить:

– Я сделаю все, что будет в моих силах, милорд.

– Уж постарайся, – в голосе Каллемана послышался металл.

Я сочла за лучшее промолчать. Взяла со стола свою лекарскую сумку, повесила ее на плечо и направилась к выходу.

– И вот еще что, – в спину мне бросил маг. – Узнаю, что халтуришь, тебе не поздоровится!

Кто бы сомневался! Нет, все-таки народная мудрость не ошибается. Надо было держаться подальше от этого... мага.

Я обернулась и невозмутимо посмотрела на Каллемана.

– Что-нибудь еще, милорд?

– Иди, – приказал тот, тоже направляясь к выходу.

Я кивнула и покинула комнату. Маг вышел вслед за мной. В коридоре наши пути разошлись. Я отправилась на кухню, а лорд Каллеман – к выходу из замка.

* * *

В просторной темноватой кухне неторопливо ужинали слуги.

Во главе длинного стола сидел пожилой седовласый тер в добротном шерстяном костюме, рядом с ним устроилась моложавая тера в скромном темно-синем платье, по обе стороны от них расположились еще шестеро мужчин и десять женщин.

Мое появление заставило присутствующих настороженно опустить ложки и замереть. В огромном помещении стало

удивительно тихо. Казалось, муха пролетит – услышу.

– Всем темного вечера, – кивнула я собравшимся. – Разрешите представиться – меня зовут Кэтрин Стоун, я новая сиделка лорда Горна.

Седовласый обстоятельно промокнул губы салфеткой, и лицо его приняло довольно странное выражение. Казалось, тер никак не может определить, чего ждать от моего появления – то ли нечаянного блага, то ли неведомых неприятностей. Впрочем, учитывая количество перебывавших в замке сиделок, это было неудивительно. Пока тер молчал, его соседка по столу недовольно нахмурилась и коротко кашлянула. Слуги уставились на нее в ожидании.

– Вы опоздали, – разжав тонкие губы, заявила тера. Голос у нее был тихим и глуховатым. – Ужин начинается ровно в восемь, а сейчас уже двадцать минут девятого.

Она бросила взгляд на огромные кухонные часы и перевела его на меня, уставившись водянистыми голубыми глазами. Выпуклые, с белесыми ресницами, они смотрели бесстрастно, не выражая никаких эмоций.

Я невольно насторожилась. Весь мой предыдущий опыт подсказывал, что с этой терой нужно быть повнимательнее. Экономка – а я не сомневалась, что передо мной именно экономка, – второй человек после управляющего, который может изрядно подпортить жизнь любому обитателю служебного этажа.

– Знаю, тера, – доброжелательно улыбнулась в ответ. – Но

лорд Каллеман распорядился, чтобы я не отходила от лорда Горна, поэтому кому-то из слуг придется приносить для меня еду в покои милорда.

Я обвела взглядом сидящих за столом и остановилась на седовласом. Дворецкий. Несомненно, дворецкий. На управляющего мужчину не тянул.

– Не беспокойтесь, тера Стоун, – внушительно ответил тер. Казалось, он уже успел составить о моем появлении какое-то мнение и успокоился. – Вам обеспечат все необходимые условия. Я – Ларсон, дворецкий, это тера Дюваль, экономка, к ней вы можете обращаться со всеми возникающими вопросами. Управляющий Дорсон сейчас в отъезде, но через пару недель вы сможете с ним познакомиться.

Что ж, все оказалось не так плохо. Разговаривают со мной вежливо. Начальственный гонор не показывают. Ужином накормить обещали. Можно сказать, лучший вариант из всех возможных. В дартской табели о рангах сиделка занимает место чуть выше обычной прислуги, но управляющие и дворецкие не всегда с этим считаются, и мне не раз доводилось сталкиваться и с неподобающим отношением, и с откровенным пренебрежением, и даже с презрением.

Ларсон повернулся к экономке.

– Эмма, ты слышала? Теру Стоун необходимо обеспечить ужином.

– Салли, собери все, что нужно, – окликнув невысокую полненькую служанку, распорядилась та.

– Слушаюсь, – бодро отозвалась девушка.

Она поднялась из-за стола и поспешила к плите, на которой стоял низкий, широкий чан. Достав из буфета глубокую миску, Салли принялась накладывать в нее аппетитное на вид рагу.

– Не забудь положить два ломтя хлеба, – напомнила ей экономка. – Через несколько минут ужин доставят в покои милорда, – обратилась она ко мне. – Вам понадобится что-нибудь еще?

– Да. Графин со свежей водой для лорда Горна. И завтра с утра нужно будет сварить для милорда куриный бульон. Без специй и овощей.

– Салли, ты слышала?

Эмма строго посмотрела на горничную.

– Я все принесу, тера, – охотно ответила девушка, разглядывая меня с нескрываемым любопытством.

Хорошенькая. Глаза яркие, как васильки. Волосы густые, темные, заплетенные в традиционные дартские косы. И румянец во всю щеку.

– Воду я возьму сразу, – предупредила служанку.

– Да, тера.

Салли достала из буфета графин, наполнила водой и подала его мне.

– Вот.

– Спасибо.

– Давайте, я вам дверь придержу, – вызвалась девушка.

Она услужливо распахнула передо мной скрипучие створки, и я вышла из кухни, провожаемая любопытными взглядами прислуги.

Я не сомневалась, что в ближайшие дни обо мне вдоволь посудачат. Служанки будут обсуждать мою внешность и одежду, слуги – прикидывать, сколько мне лет и можно ли за мной приударить, а дворецкий с экономкой обязательно возьмутся выяснять, какое жалование я получаю.

Хмыкнув, поправила сумку и пошла к лестнице, с любопытством разглядывая неровные стены и темные балки потолка. Похоже, замок был гораздо старше, чем мне показалось сначала. Дерево перекладин выглядело почти черным, а низкие, нависающие своды – закопченными. Если учесть, что в Дартштейне уже лет триста не пользовались факелами, то напрашивался единственный вывод – дом лорда Горна был построен в Старую эпоху, когда еще не знали бирольных светильников и аров.

Я провела рукой по выступающим камням.

Одно время мне довелось ухаживать за тером Гейни, бывшим преподавателем Брегольского университета. Тер был большим любителем старины и охотно делился со мной фактами из истории Дартштейна. Пока я растирала его больные ноги, он любил порассуждать о Древней эпохе, о былых победах и поражениях дартов, об особенностях жизни предыдущих поколений и о династии Гранцигеров. Жаль, что моя работа у тера Гейни продлилась так недолго. Вдовья сест-

ра тера усмотрела в нашем общении неведомую опасность и быстренько выдала мне расчет. Что тут скажешь? С чужой ревностью сражаться бесполезно. Впрочем, как и с чужой жадностью.

Я остановилась у широкой арки. Ого! А ведь я угадала! На уровне моего лица, на одном из камней, виднелась истертая выбитая надпись. Тысяча шестьсот девятый год от основания Дарта. Все, как я и думала. Замок построили почти триста лет назад.

Не задерживаясь больше, поднялась по лестнице, собираюсь сразу же отправиться к Горну, но в холле неожиданно наткнулась на невысокого плотного мужчину. Незнакомец топтался у зеркала, недовольно нахмутив брови, и, казалось, не знал, куда деть свою шляпу. Добротная, из светло-серого фетра, она выглядела в его руках какой-то неприкаянной, если можно было так сказать про обычную вещь. Я окинула гостя быстрым взглядом. Седые волосы, яркий румянец на щеках, морщины в уголках глаз и на лбу, усталый взгляд. На полу рядом с незнакомцем стоял небольшой кожаный саквояж.

– Ты новенькая? – увидев меня, торопливо спросил тер, и тут же, не дожидаясь ответа, поспешил вручить мне собственный головной убор. – Держи. Лорд Каллеман здесь?

Он нервным жестом поправил галстук.

– Недавно уехал.

Я поставила графин на столик и направилась к гардеробу.

– Подожди, – остановил меня тер, вспомнив, что нужно снять еще и верхнюю одежду. – Вот, возьми, – он отдал мне свое пальто и задумчиво пробормотал: – Да, незадача! Не слышала, граф обещал зайти?

– Нет, тер...

Я вопросительно посмотрела на гостя, намереваясь узнать его имя. Кое-какие соображения на этот счет у меня были, но хотелось убедиться наверняка.

– Тер Кауниц, – рассеянно представился мужчина. Мысли его явно витали далеко и от меня, и от происходящего вокруг. – Значит, лорда Каллемана нет, – еще раз повторил он.

– Нет, тер Кауниц.

Я убрала одежду гостя в гардероб и вернулась.

– Плохо, – задумчиво заметил доктор.

Он с сомнением посмотрел вверх, словно решая, стоит ли подниматься к больному или нет, а потом, собравшись с духом и направился к лестнице.

– Ты вот что, милая, – миновав пару ступеней, обернулся он ко мне. – Пойдем-ка со мной.

По лицу тера было понятно, что предстоящий визит к графу его не радует, и оставаться наедине с Горном доктор не больно-то расположен.

– Хорошо, тер Кауниц, – согласилась я.

Мне и самой хотелось послушать, что скажет врач. Все-таки он должен был знать, где и чем ранили его пациента. Мне-то милорды вряд ли расскажут, а вот от доктора скры-

вать подробности не станут. Прихватив графин, я припустила за тером. Тот шел не торопясь, крепко держась за перила и сосредоточенно глядя прямо перед собой. Я поневоле обратила внимание на дорожную ткань его костюма, на туфли из лакированной кожи, на белоснежные манжеты рубашки. Что ж, доктора в Дартштейне не бедствовали, это факт. А уж те, что практиковали среди аристократов, и подавно.

Я незаметно вздохнула.

При всех моих знаниях и упорстве мне никогда не достичь подобного уровня. Мир Дартштейна жесток. Будь я хоть трижды талантлива и умна, это ничего не изменит. Магия... Магия, полученная или нет при рождении, навсегда определяет судьбу любого дарта. Самым высоким уровнем силы обладают высшие аристократы, так называемая Первая Когорта, люди, приближенные к королю. В Дартштейне они считаются элитой, и совершенно недостижимы для простых смертных. Высокомерные, надменные, исполненные осознания собственной важности. «Арите Соно Бар» – Отпрыски Белого Бога, как называют их в королевстве. Колдуны, для которых жизнь простого человека значит не больше, чем жизнь муравья.

Следом идет знать Второй Когорты. Те, кому повезло родиться в старых дворянских семьях. Эти баловни судьбы имеют право на любую государственную должность, хотя могут и вовсе не работать, благо, что денег у них предостаточно. Третья Когорта, или среднеодаренные, – самый мно-

гочисленный класс дартов. Их уровень магии позволяет заниматься промышленностью, торговлей, медициной. Среди «середняков» много купцов, владельцев заводов, журналистов, врачей, учителей. Сила дара дает им возможность совершенствоваться в любой уважаемой профессии и быть востребованными и значимыми.

Есть еще слабоодаренные, или схельды. Они занимают нишу средней obsługi. Медсестры, фельдшеры, продавцы, швеи, парикмахеры, водители автомобилей – все, чья работа требует небольшой толики магии, относятся к этому классу. А вот те, кому не повезло родиться с даром, так называемые поши, могут рассчитывать лишь на самую низкооплачиваемую работу и никогда не поднимутся выше обычной obsługi. Такая вот картина «справедливого» дартского мира.

Я усмехнулась, вспомнив речь лорда Дальгейма, недавно назначенного премьер-министра Дартштейна. Тот убежденно вещал о новой эре в истории государства, о необходимости сглаживания границ между классами и о грядущих переменах в отношении к средним и низшим слоям населения. Но на деле, как это всегда и бывает, его реформы обернулись еще большим ужесточением существующих законов и ухудшением жизни простых людей.

– Нужно войти.

Пока я размышляла, мы с доктором дошли до комнаты Горна, и сейчас тер Кауниц стоял перед дверью, глядя на меня с вполне понятным сомнением.

– Разумеется, – кивнула я.

– Его сиятельству необходима помощь, – словно убеждая самого себя, неуверенно сказал Кауниц.

– Именно так.

– Надо идти, – все еще не двигаясь с места, заявил доктор.

– Несомненно.

Тер еле слышно вздохнул и взялся за ручку.

– Может, предупредить милорда? – спросила я. Колебания доктора были понятны. Это мне терять нечего, а он рискует своей карьерой. Не угодит графу – и все, считай, привычная жизнь закончилась.

– Нет, не стоит, – едва заметно вздрогнув, пробормотал тер Кауниц. Он помялся еще немного, а потом, решившись наконец, толкнул дверь и вошел в комнату.

Я двинулась за ним. В спальне было тихо. Горн спал. Пришлось признать, что доктору повезло. По крайней мере, при виде спящего пациента тер немного приободрился и к кровати подошел уверенно.

«Не будите спящего тигра!» – неожиданно всплыло памяти. Я усмехнулась. Очень верное выражение. Прямо про Горна.

Кауниц окинул больного быстрым взглядом, поставил саквояж на стул и достал бутылку с обеззараживающей настойкой. Протерев руки, он осторожно приступил к осмотру.

– Ну-ка...

Кауниц сдвинул повязку с правой ноги графа и покачал

головой.

– Я ведь говорил, – пробормотал он, разглядывая красный, воспаленный шов. – С амлой не шутят!

– Все так плохо? – тихо спросила я.

Саберское название заставило насторожиться. Амла... Жуткое изобретение темных колдунов Саберии. Даже небольшая ранка, зараженная этим магическим веществом, становится смертельно опасной и приводит к летальному исходу.

Я задумалась. Был один старый, запрещенный в Дартштейне способ борьбы с «белой смертью» – отвар из сушеного жвальника. Правда, достать эрийский корень было сложно, и стоил он баснословно дорого. Да и не купишь его просто так.

Рес! Придется просить Каллемана...

– Куда уж хуже! – удрученно произнес доктор.

– А лицо? Что туда попало?

– Раствор соровой кислоты.

Доктор отвечал машинально, почти не задумываясь, с кем он разговаривает, и это было мне на руку. Кислота... С ней справиться проще.

Я сцепила руки за спиной, наблюдая за действиями тера. Движения его были точными, четкими, аккуратными. Он осторожно освободил ноги графа, осмотрел раны, что-то тихо пробормотал и, поменяв салфетки с ревенсом, наложил повязки.

– Два дня максимум, – глядя на Горна, прошептал он. – Потом будет поздно.

В этот момент больной пошевелил пальцами, и Кауниц нервно дернулся.

– Как вы себя чувствуете, милорд? – тихо и слегка заискивающе спросил он.

– Ты опять здесь? – хрипло прошептал граф. – Я же тебе сказал, убирайся!

– Милорд, вы не понимаете! – вскинулся доктор. Лицо его покраснело. – Подобное упрямство может стоить вам жизни! Амла – страшная вещь, милорд. Пока она не вышла за пределы раны, мы еще можем попытаться остановить ее действие. Но очень скоро она распространится дальше, и уже ничего нельзя будет сделать.

– Пошел вон!

– Милорд, послушайте! Вы должны понять, времени почти не осталось!

– Ноги резать не дам!

– Милорд, я настаиваю...

– Тер Кауниц, немедленно выйдите из моих покоев! – перейдя на вы, жестко оборвал его Горн. Вокруг него снова за клубилась тьма. – И не смейте больше приходить, иначе я прикажу отправить вас в Эйренхаур!

Несмотря на то, что граф неподвижно лежал на постели, он не выглядел беспомощным. И его угроза отправить доктора в тюрьму казалась очень убедительной.

– Вы пожалеете, милорд, – сердито посмотрел на него Кауниц. – Только будет поздно.

– Вы еще здесь? – высокомерно спросил Горн.

– Уже ухожу, – в дребезжащем баритоне тера слышалась обида. – Всего хорошего, Ваше сиятельство.

Доктор подхватил свой саквояж, невидяще взглянул на меня и направился к выходу. Губы его дрожали.

Рес!

Я бросилась следом. Мне не хотелось оставлять Кауница одного в таком состоянии. Мало ли, что с ним может произойти? Упадет еще с лестницы... Ни к чему нам лишние проблемы.

– Сорок лет беспорочной службы, – рассерженно бормотал доктор, спускаясь вниз. – Сотни благодарных пациентов! Самые тяжелые случаи... Выхаживал, с того света возвращал. А тут такое отношение! Чуть не взащей выталкивают... Оскорбляют. Издеваются... Ноги моей больше не будет! Никогда!

Он торопливо преодолел последние ступени и ринулся к выходу.

– Тер Кауниц, ваше пальто! – окликнула я его.

– Что?

Доктор повернулся и посмотрел на меня так, будто не совсем понимал, кто я и чего от него хочу.

– Одежда, – повторила я и принесла из гардероба пальто и шляпу.

– А? Да, – кивнул тер, но мысли его по-прежнему были далеко. – Спасибо.

Он машинально оделся, нахлобучил головной убор и направился к двери.

– Тер Кауниц! – окликнула я доктора.

– Да?

– А если использовать корень жвальника?

– Что за глупости! Вы еще про припарки из рельда спросите! Запомните, деточка, все эти шарлатанские «танцы с бубном» не имеют никакого отношения к настоящей медицине! – остановившись, резко ответил тот. – Так и передайте! Всего хорошего.

Он распахнул дверь и громко захлопнул ее за собой.

Я не стала интересоваться, кому конкретно передать слова уважаемого тера. Посмотрела в окно, наблюдая, как доктор садится в свой мобиль, увидела усатую физиономию его шофера и клубы дыма, выбивающиеся из выхлопной трубы, и покачала головой. Нет, тер Кауниц мне не помощник. Наверное, оно и к лучшему, что Горн его прогнал. Не знаю как, но я всегда точно могла сказать, выживет пациент или нет. И схему лечения видела. Это не было магией, скорее, каким-то обостренным чутьем, которое еще ни разу меня не подводило. В случае с Горном все балансировало на грани. С самого начала было ясно, что раны сложные, но амла... Это магическое вещество препятствовало заживлению, вызывая сильное воспаление. Амла не поддавалась обычным спосо-

бам лечения. Внедряясь в рану, она какое-то время маскировалась, ничем себя не выдавая, потом начинался сепсис, а потом... Рес! Нужно найти жвальник, иначе...

Думать о плохом не хотелось.

Отогнав тревожные мысли, я поднялась на второй этаж и вошла в покои графа.

– Кто? – тут же раздался недовольный вопрос.

– Это я, милорд.

– Кто – я? – еще недовольнее переспросил больной.

По его тону было понятно, что он меня узнал, но не смог отказать себе в удовольствии покапризничать. Нет, оно, конечно, понятно. Когда все болит, поневоле начнешь искать повод к чему-нибудь придаться. Только граф избрал для этого совсем неподходящий объект.

– Кэтрин, ваша сиделка, милорд, – невозмутимо ответила мужчине и переставила графин на стол.

– Что ты здесь забыла? Я тебя не звал, – скривился Горн.

– Знаю, милорд. Но я пришла дать вам лекарство.

Сняв пробку, налила в стакан воды и добавила двадцать капель вестрольской настойки. Травя горечника, входящая в ее состав, тоже неплохо справлялась с магическими «агрессорами», уменьшая их воздействие на организм.

– Иди отсюда, – отворачиваясь к стене, глухо пробормотал больной. – Мне не нужны никакие лекарства.

– Я так не думаю, милорд.

Горн не ответил. Я видела, как он сжал руками простынь

и что-то тихо пробормотал сквозь зубы. Рот его скривился в гримасе боли. Рес! Действие зелья закончилось раньше, чем я ожидала.

– Выпейте. Это поможет унять боль.

Я поднесла к губам больного бокал.

– Ну же, милорд.

Горн помедлил, но все-таки принял лекарство. Чувствовалось, что он смертельно устал и держится на одном характере.

– Сейчас вы уснете, а когда проснетесь, вам станет легче.

– Ты что, провидица? – сердито хмыкнул граф.

– Я сиделка, милорд, – невозмутимо ответила упряму и поправила подушки.

– Для сиделки ты слишком своевольная. И аура у тебя странная.

Рес! Он что, не глядя может определить? Ну, я и попала...

– Насчет ауры ничего не могу вам сказать, я в таких вещах не разбираюсь, а вот с уходом за больными у меня большой опыт.

– И что говорит твой опыт? Поправлюсь я или нет?

– Обязательно поправитесь, милорд.

Еще бы! Иначе с меня шкуру спустят!

– Неужели? – сердито фыркнул граф. – А этот проходимец уверял, что мне осталось жить от силы неделю.

– Доктор Кауниц? Думаю, уважаемый тер слегка преувеличивал. Видимо, рассчитывал на то, что вы будете покорно

выполнять все его предписания.

– Не вздумай выгораживать этого недоумка! – вскинулся Горн, но тут же сник и бессильно упал на подушки.

– Даже не думала, милорд, – тихо ответила я, наблюдая, как он пытается бороться со сном, как расслабляется напряженное тело, как разжимаются плотно сжатые губы.

Спустя минуту больной уже спал, беспокойно подергивая руками, а я немного понаблюдала за хаотичными движениями его длинных пальцев, проверила повязки и взялась за наведение порядка.

Подняла и поставила на место перевернутый прикроватный столик. Собрала осколки вазы, протерла пыль, убрала с пола разбросанные вещи и открыла окно, чтобы проветрить комнату. А потом села за стол и придвинула поднос, принесенный Салли. Есть не хотелось. Душу одолевали тревожные предчувствия, в голове крутились непрошенные мысли, в сердце тонкой змейкой проникала тоска. Ковырнув остывшее рагу, отложила ложку и задумалась.

От того, как пройдет сегодняшняя ночь, зависело мое будущее. Если Горн продержится, значит, у нас есть шанс справиться. Амлу не зря называли «медленным убийцей». Магический раствор, которым обрабатывали оружие, попадая в рану, не сразу расходился по организму. Он встраивался в рассеченные ткани, маскировался, выжидал. Три дня, неделю, две недели – все зависело от организма конкретного человека. А потом амла активизировалась и начинала свою

разрушительную деятельность.

Врачи не всегда могли определить наличие этого «агрессора». Еще бы! Он ведь почти ничем себя не проявлял. Только незначительным, поначалу, воспалением. Зато потом...

Я прекрасно понимала Кауница. С точки зрения официальной медицины, заражение амлой считалось смертельным. Обычно таких больных даже не пытались лечить. То, что доктор собирался отсечь пораженные конечности, было, скорее, жестом отчаяния, попыткой сделать хоть что-то, чтобы облегчить состояние больного.

Однако был и еще один способ, правда, запрещенный. Жвальник. Растение из разряда наркотических, обладающее редким свойством выводить из организма любые магические яды, в том числе, и амлу. Дартские доктора относились к эрийскому корню скептически, а вот стромовские знахари с его помощью вполне успешно справлялись с самыми тяжелыми заражениями.

Однажды мне довелось наблюдать за лечением одного такого больного. Амла почти полностью поразила его организм, но тер Гердин – мой учитель – за три недели поставил мужчину на ноги.

Я посмотрела на Горна.

«Слышишь, парень, ты должен справиться! – мысленно обратилась я к нему. – Подумаешь, амла! Покажи характер, утри нос этим напыщенным докторишкам! Ты ведь не собираешься сдаваться?»

Горн лежал неподвижно. В тишине громко тикали часы.
Мне оставалось только ждать.

Глава 3

Ночь прошла скверно. В два часа у моего пациента усилился жар и начался бред. Горн метался на постели, стонал, звал какого-то Вигго, угрожал, что прирежет этого сукиного сына...

Мне удалось обездвижить больного и немного сбить температуру. И все равно она оставалась достаточно высокой. Лоб мужчины просто пылал, и моя рука казалась ледяной на его горячей коже.

На свой страх и риск я увеличила дозу настойки.

– Давай, парень, – шептала еле слышно. – Ты не можешь меня подвести!

В ответ раздавалось хриплое, надсадное дыхание.

– Ты же сильный! Ты должен справиться! – убеждала, держа его за руку и вглядываясь в пылающее лицо.

Свет небольшого ара выхватывал из темноты плотную повязку, закрывающую глаза, упрямый подбородок, острый кадык, пересохшие, потрескавшиеся губы... Я понемногу полила пациента водой, обтирала разведенным уксусом, но это не помогало.

– Давай, Горн! Не сдавайся, – убеждала я его. – Рес! Ты не можешь умереть. Завтра я сварю отвар, и тебе обязательно станет легче. Ты должен продержаться, парень!

Ох, только бы Каллеман пришел пораньше! Я пыталась

выяснить у слуг, как связаться с магом, но те не знали.

– Где живет лорд Каллеман? – робко переспросила Салли. – Что вы, тера! Я лишний раз боюсь ему на глаза показаться, не то что спросить что-либо.

– Граф не больно-то с нами общается, – пожал плечами Кунц.

– Его сиятельство разговоры со слугами не жалует, – вздохнула экономка.

– Милорд перед нами не отчитывается. Когда хочет, тогда и приходит, – подвел итог всеобщего «незнания» дворецкий.

– Но ведь его как-то можно найти?

– Лорд Каллеман живет в Бромсе, – Ларсон посмотрел на меня с едва заметным превосходством, как на несмышленного ребенка.

Рес! Теперь понятно. Бромс находится на юге Дартштейна. Добраться туда можно только порталом! Придется ждать, пока маг сам появится...

До самого утра я не сомкнула глаз, а с первыми лучами серого нерадостного рассвета мой пациент очнулся и попытался подняться. Ремни, которыми я привязала его к кровати, вызвали у Горна ярость.

– Как ты посмела? – гремел он, пытаясь вытащить руки. – Я тебя уничтожу! Немедленно развяжи меня!

– Успокойтесь, милорд. Я сниму ремни, если вы лежите неподвижно и пообещаете вести себя разумно, – я коснулась его лба и с радостью отметила, что жар пошел на убыль. Зна-

чит, не все так плохо. У организма есть необходимый резерв!

– Что ты себе позволяешь? – не желал успокаиваться больной. – Ты хоть понимаешь...

– Уймись! – громко рявкнула, оборвав его гневную тираду.

Горн замолчал, видимо, от удивления. Ага. Не привыкли, чтобы на вас кричали, милорд? Ну да. У меня тоже нервы ни к чему после сегодняшней ночи.

– У вас был сильный жар, вы бредили и метались, могли себе навредить, – уже спокойно объяснила мужчине. – Поэтому мне пришлось вас привязать.

Расстегнув специальные ремни, освободила своего строптивого пациента и быстро осмотрела повязки. Бинты были чистыми и не сбились, что радовало.

– С ума сойти, – задумчиво пробормотал Горн. – На меня еще никто так не кричал.

– Все когда-нибудь случается впервые, – философски заметила я и спросила: – Хотите бульону?

– Что?

– Бульон. Куриный. Полезно.

Сама не заметила, как стала говорить рублеными фразами. Видно, подсознательно опасалась, что слишком длинных предложений мой пациент попросту не поймет. М-да. Похоже, нынешняя ночь не прошла для меня бесследно...

– Ладно, давай, – неохотно ответил больной.

Я нажала на кнопку вызова прислуги, настороженно на-

блюдая за тем, как Горн разминает руки.

– Как говоришь, тебя зовут? – спустя минуту, спросил он.

– Кэтрин, милорд.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать девять.

– Где родилась?

– В Ютланде.

– Да? И бумаги есть?

– Разумеется, милорд.

Еще бы! В «Серой утке» каких только умельцев не бывает! За десять ронов не только бумаги – новую личность организуют.

– Кто родители? – не унимался граф.

– Крестьяне, милорд.

– Странно, – пробормотал Горн. – А по речи не скажешь.

Он ненадолго замолчал, и я уж было обрадовалась, что допрос окончен, но не тут-то было!

– Как ты выглядишь? – неожиданно поинтересовался граф.

– Простите?

Я удивленно уставилась на Горна, не понимая, что за блажь пришла ему в голову.

– Опиши себя, – сердито пояснил больной. – Что непонятного?

Бред какой-то... Ну, какая ему разница, как я выгляжу? Что изменится, если он узнает, что я голубоглазая блондин-

ка? Или что у меня неплохая фигура?

– Ты что, так уродлива? – резко спросил Горн.

– Милорд?

– Раз ты не можешь описать свою внешность, значит, скорее всего, описывать нечего.

Да, неужели? Потрясающая логика! Впрочем, мне это только на руку.

– Увы, милорд, – подпустив в голос побольше грусти, сокрушенно вздохнула. – Единый не наградил меня красотой.

– Где училась?

Мне показалось, Горн приободрился.

– В Брегольском медицинском колледже. Окончила двухмесячные лекарские курсы.

– Кто их читал?

– Тер Гердин.

Я вспомнила маленького сердитого гнома, торопливо расхаживающего по переполненной аудитории Старого колледжа, и невольно улыбнулась. Несмотря на вспыльчивость тера Гердина, я сумела найти с ним общий язык и узнала многое из того, что никогда не преподавалось на официальных курсах. Можно сказать, именно благодаря старому лекарю я и обладала довольно специфическими для сиделки знаниями.

– А, это тот фракийский отступник? – хмыкнул граф. – На редкость упрямый старик.

Он замолчал ненадолго, и я уж было обрадовалась, что

допрос окончен, но тут Горн спросил:

– В каком году ты училась?

– В шестом.

– И что, сразу взяли на работу?

– Да, милорд.

– А что ты делала до учебы? Где жила?

– Разве это имеет какое-либо значение?

Я недовольно посмотрела на графа. С чего он решил проявить интерес к моей жизни?

– Отвечай, когда тебя спрашивают, – нахмурился Горн.

– Перебивалась случайными заработками, милорд.

– А твои родители?

– Они умерли, милорд.

– А замуж почему не вышла?

– Не звал никто.

Вопросы следовали один за другим, и я начинала злиться. Интересно, кто-нибудь принесет этот проклятый бульон? Пора останавливать нездоровое любопытство именитого пациента. Кто знает, до чего оно его доведет?

И тут, словно в ответ на мое негодование, открылась дверь, и в комнату бочком протиснулась Салли, неся небольшой поднос. Она с легким стуком бухнула его на прикроватный столик, дрожащими руками выставила супницу и тарелку, хлеб с сыром для меня и завернутые в салфетку приборы. Закончив, горничная бросила на Горна испуганный взгляд.

– Чего уставилась? – рявкнул граф. – Иди отсюда! Живо!

– Простите, милорд, – побледнев, пролепетала девушка. Она отвела глаза, схватила поднос и опрометью кинулась к выходу. Оборки зеленого платья взметнулись, открывая полосатые чулки, длинные косы подпрыгнули в такт торопливым шагам, белый накрахмаленный фартук сбился. Я усмехнулась. Трусика...

Дверь еле слышно скрипнула, закрываясь за Салли, и в комнате наступила тишина, прерываемая лишь хриплым дыханием больного.

– Ну, и чего вы кричите? – вздохнув, посмотрела на графа. – Зачем напугали девушку?

Горн молчал.

– Ненавижу, когда так смотрят, – спустя пару минут пробормотал он.

– Как?

– Со страхом.

Понимал бы что! Ведь не видит же ничего, неужели почувствовал?

– Какие глупости! Салли просто жалеет вас, вот и все.

– Это еще хуже.

Горн заворочался, пытаясь приподняться, и я подоткнула подушку повыше, помогая ему сесть.

– Я хочу встать.

– Об этом пока рано говорить, милорд.

– Версу лито! – граф вскинул руку, произнося заклинание, и тут же выругался, потому что оно не сработало.

– Дай костыли! – рявкнул Горн.

– У вас нет костылей.

– Мне нужно... А, рес! Мне нужно отлить.

– Для этого необязательно вставать, милорд.

Я достала из-под кровати утку и откинула простыню.

– Давайте, я вам помогу.

– Рес! – выругался больной. – Это невыносимо!

– Не стоит так волноваться, милорд. Ночью вас это совсем не пугало.

– Проклятая беспомощность, – пробормотал Горн.

Спустя несколько минут он откинулся на подушки и надолго замолчал.

Тем временем я вынесла утку, тщательно вымыла руки и вернулась к своему пациенту.

– Бульон, милорд, – напомнила мужчине.

– Что?

– Он остывает, милорд.

– Слушай, как ты мне надоела! – в сердцах бросил Горн.

Ха! Удивили... Вы мне тоже не особенно нравитесь, ваше сиятельство, но я ведь терплю?

– Ничем не могу помочь, милорд, – невозмутимо заметила в ответ и принялась наливать бульон в тарелку.

Мужчина что-то неразборчиво буркнул. Подозреваю, пожелал мне провалиться в эльхейм.

Усмехнувшись, поднесла ложку к плотно сомкнутым губам пациента и подбодрила:

– Давайте, милорд. Вам понадобятся силы.

– Для чего? Чтобы побыстрее сдохнуть?

– О чем вы? – переспросила я и, воспользовавшись тем, что он открыл рот, впихнула туда ложку с бульоном. – Иногда для того, чтобы выжить, нужно гораздо большее мужество.

– Зачем мне такая жизнь? Слепой калека, без ног...

Похоже, про амлу граф не знал. Что ж, это к лучшему.

– Почему вы так уверены, что останетесь калеккой?

Я внимательно посмотрела на больного.

– Если пятеро самых лучших докторов королевства говорят одно и то же...

Он поморщился, а я впихнула в него еще одну ложку и завершила неоконченную фразу:

– То это еще не повод им верить.

– Ты мне надоела. Убирайся! – неожиданно зло рявкнул Горн. – Пошла вон отсюда!

Он оттолкнул поднесенную ко рту ложку и ударил по тарелке, выбив ее у меня из рук.

– Уходи!

Я с минуту глядела на разъяренного мужчину, а потом молча поднялась, собрала осколки и вышла из комнаты. Меня не удивил этот приступ гнева. Чего-то подобного я даже ожидала. Сильным людям всегда сложно смириться со своей беспомощностью. И Горн не исключение. Пока он не примет все, что с ним произошло, его так и будет ломать и корезить.

Оглядев испорченную одежду, расстроено вздохнула. Мое любимое рабочее платье. Синее, с белым отложным воротничком, с тонкими вязаными нарукавниками. Отстирать его будет сложно. Рес! Угораздило ж Горна выбить у меня из рук тарелку! Интересно, граф понимал, где она находится, или случайно попал? Я ведь специально не стала использовать поильник, опасаясь, что он его отшвырнет, но сиятельство все равно умудрился сделать все по-своему.

Я медленно направилась к лестнице, раздумывая, чем лучше воспользоваться – эрским мылом или реусским порошком? Мыло было дешевле, но порошок отстирывал загрязнения намного лучше. Первое стоило три рена, а второй – целый рон. При моих доходах – ужасная расточительность.

Я посмотрела на пятно. Слишком большое. Придется доставать заветную коробочку. Два месяца назад мне перепало несколько унций – старая тера Брег расщедрилась, отблагодарила за то, что я вылечила ее внучку. Порошка было совсем немного, и я берегла его, как зеницу ока, на самый крайний случай. Правда, не думала, что этот случай наступит так скоро. Может, попробовать все-таки обойтись мылом?

– Кэтрин!

Я подняла голову. Навстречу торопливо шагал Каллеман. Рядом с ним шел высокий худощавый мужчина в дорогом серебристо-сером костюме. Незнакомец и сам выглядел каким-то серым. Пепельные волосы, светлые ресницы, бледные губы, длинный тонкий нос, тусклое лицо. И лишь гла-

за – черные, беспокойные, колдовские – разбавляли общую блеклость. Рес! Еще один маг!

– Что случилось? – остановившись рядом со мной, спросил Каллеман.

Он недоуменно разглядывал мое платье, на котором расплзлось безобразное жирное пятно.

– У лорда Горна с утра плохое настроение, – стараясь не смущаться из-за собственного непрезентабельного вида, усмехнулась я.

– Опять буянит? – обреченно вздохнул Каллеман.

Я молча кивнула.

– Проклятье! – пробормотал маг.

– Это и есть та сиделка, о которой ты говорил? – неожиданно подал голос второй мужчина.

Он подошел ближе и уставился на меня тяжелым, немигающим взглядом.

– Да, – коротко ответил Каллеман.

– Слишком молодая, – бесцеремонно заметил незнакомец. Он оценивающе прищурился, а потом, неожиданно спросил: – Как твое имя?

– Кэтрин, милорд, – ответила я ему.

Молодая? Ну-да, ну-да...

– Как себя чувствует твой пациент? – не унимался «серый».

– Ночью у лорда Горна был сильный жар, сейчас он пошел на убыль, но милорд сильно ослаб. Лучше его пока не бес-

покоить.

– Это не тебе решать, – высокомерно заявил незнакомец. Его породистое лицо скривилось в неприятной гримасе. – Идем, Эрикен, – повернулся он к другу. – У меня мало времени.

Неужели? А зачем тогда было тратить его на меня?

– Лорд Каллеман, мне нужно с вами поговорить, – обратилась я к магу.

– Ты иди, Ян, – сказал Каллеман спутнику. – Пообщайся пока с Фредериком, я подойду чуть позже.

– Хорошо. Не задерживайся, – ответил «серый». – Через час я должен быть у Его величества.

Он в два шага преодолел расстояние до покоев Горна, открыл дверь и громко захлопнул ее за собой.

Мы с Каллеманом остались вдвоем.

– Милорд, я составила перечень необходимых лекарств, – достав из сумки исписанный листок, протянула его магу.

– Корень жвальника? – удивленно переспросил тот, пробежав глазами весь список. – Ты что, не знаешь, что он относится к запрещенным?

– Знаю.

Рес! Как же не хочется рисковать! Если маг заартачится... Я с сомнением посмотрела на Каллемана и повторила:

– Все я знаю, милорд, но это единственное средство, способное очистить организм графа от амлы.

– Уверена? – с надеждой спросил маг, но тут же нахму-

рился. – Подожди, а с чего ты решила, что это амла?

– Доктор Кауниц сказал.

– Он был здесь?

– Да, вчера вечером, после вашего ухода. Но милорд его выгнал.

– Неудивительно, – пробормотал Каллеман. Он рассеянно потер бровь и уставился куда-то поверх моей головы. – Пять докторов, четыре лекаря, восемь сиделок, – тихо, почти про себя, прошептал маг. – И никакого толка...

– Магический раствор был на оружии?

– Что? – переспросил маг. – Нет. Там все сложнее...

Он не договорил, досадливо поморщившись.

– Вас ведь тоже ранили.

Я в упор посмотрела на мужчину.

– Мне повезло больше, чем Горну, – ответил маг, но мне показалось, что мысли его витают где-то далеко. – Кстати, я ведь так и не поблагодарил тебя за помощь. Вот, возьми.

Он достал из кармана пять золотых и протянул их мне. Лицо его приняло престранное выражение. То ли расплылось в недоброй улыбке, то ли скривилось в болезненной гримасе. Я так и не смогла разобрать.

– Мои услуги стоят гораздо дешевле, милорд.

Я глядела на огромную по местным понятиям сумму и размышляла, с какой радости маг так расщедрился. Неужели осознал, что мог оказаться на месте умирающего друга?

– Знаю, – неопределенно хмыкнул Каллеман. – Но это не

плата. Это благодарность. Понимаешь разницу?

– Спасибо, милорд.

Я протянула руку. Глупо было отказываться. Тем более, что от моих накоплений почти ничего не осталось. Пальцы коснулись холодной ладони. По телу пробежал озноб. Рес! Почему я всегда так реагирую на магов? Вздвогнув, торопливо забрала деньги.

«Спокойно, Кейт. Ты не должна показывать своего страха».

Ага... Если бы это было так просто!

– Тут все, что нужно? – спросил Каллеман.

Я видела, что он испытывает неловкость. То ли от собственного широкого жеста, то ли от самой мысли о благодарности.

– Да. Главное, достаньте поскорее жвальник. Его продают в столице, на Сенном рынке, в лавках у эрийцев. Только нужно спрашивать осторожно, купцы торгуют им из-под полы.

– Не беспокойся, – пренебрежительно бросил маг. – Через полчаса все необходимое будет доставлено в замок.

Он сложил бумагу пополам и убрал ее в карман.

– Милорд, – я замялась, пытаюсь получше сформулировать свою мысль. – Может быть, стоит пригласить к лорду Горну кого-нибудь из светил медицины?

– Кого?

Каллеман уставился на меня своими невозможными глазами.

– Профессора Свенгора, например. Или тера Оркита.

– Они здесь уже были, – отмахнулся мужчина.

– И что?

– Да ничего. Горн их выгнал.

– Но почему?

– Свенгор сразу предложил ампутацию. Оркит был не так категоричен, но, понаблюдав немного за графом, поддержал мнение коллеги. А вообще, они оба заявили, что заражение этой дрянью смертельно, и никакое лечение не способно продлить графу жизнь дольше, чем на пару месяцев.

Каллеман замолчал и нахмурился.

– А ты что скажешь? – через пару секунд спросил он.

Я задумалась. Если получится вывести амлу, ноги можно будет сохранить. Если же нет... Мне даже думать не хотелось, что со мной будет в случае неудачи. Лишение лицензии – это самое малое из того, что меня ждет. Я прекрасно понимала, как рискованно то, что я собираюсь сделать, но отступить не могла. В голове всплыли странные воспоминания: белый лист бумаги, странные черточки и закорючки, чей-то смех и собственный голос, произносящий непонятную фразу: «Ни сы... Очень подходящий иероглиф! Практически девиз моей жизни!».

– Ты сможешь вылечить лорда Горна? – прервал мои размышления Каллеман. Он, наконец, овладел собой, и передо мной снова стоял суровый и жесткий мужчина.

– Я всего лишь сиделка, милорд.

– Брось! Это ведь ты обработала и зашила мою рану? Не знаю, как у тебя получилось, но от нее даже следа не осталось. Свенгор очень удивлялся, когда меня осматривал.

Рес! Как же права дартская поговорка! Что бы этому магу оказаться той ночью у другого дома? Проблем бы не было.

– Я тут ни при чем, милорд, – как можно спокойнее ответила мужчине и твердо посмотрела ему в глаза. Черные, с красноватыми зрачками они устрашали, вытаскивали душу, мучили...

Проклятье!

Я отвела взгляд.

– Это все ваша магия.

– Да что ты? Ну надо же! А я и не догадался! – жестко усмехнулся Каллеман и тут же посерьезнел. – Хватит нести чушь! Когда маг серьезно болен, он не может пользоваться магией, это закон, который всем известен.

Он недовольно скривился, а потом вдруг вкрадчиво спросил:

– Ты ведь понимаешь, что я могу заявить на тебя в префектуру?

– Вы не докажете, что это именно я зашивала вашу рану.

Я вздернула подбородок. Дурацкая привычка, оставшаяся от прошлой жизни. Ну, это я так думаю. Хотя, может, и ошибаюсь. Свое прошлое я не помню. Вернее, два последних года помню, а все, что было до них – нет.

– Уверена? А если с тобой поработает Чтец?

Рес! Только не это! Чтецы были страшным кошмаром Дартштейна. Эти маги легко проникали в мозг человека, считывали прошлое, мысли, поступки, намерения, мечты. И добивались до самых потаенных секретов. Докапывались до правды. Вытаскивали ее наружу. Полезное умение? Конечно. Только мало кто сумел сохранить здравый рассудок после общения с Чтецами.

– Чего вы хотите?

Я напряженно посмотрела на мага.

– Ты должна сделать все, чтобы вылечить лорда Горна, – жестко припечатал Каллеман. – И мне все равно, каким способом ты этого добьешься.

Рес! Судя по тону, маг не шутил.

– Я – не Единый, милорд, и не могу обещать вам чудо.

– Ничего, если понадобится, извернешься как-нибудь.

Каллеман буравил меня тяжелым взглядом. М-да... Похоже, исчерпав все другие возможности, маг вспомнил обо мне, сложил два плюс два, и решил, что именно я смогу помочь его другу. А я-то еще гадала, с чего он вдруг предложил мне работу!

– Мне необходимы гарантии, милорд, – медленно произнесла я, вглядываясь в жуткие нечеловеческие глаза. – Я хочу быть уверена, что в случае выздоровления графа меня никто не будет преследовать. Как и в случае его нечаянной кончины.

– Моего слова тебе недостаточно?

– Я предпочла бы магический договор.

– Руку, – после минутного раздумья, коротко приказал Каллеман.

Я протянула ладонь.

– Карриотеско! – сжав мои пальцы, негромко произнес маг.

По коже пробежал холодок, и на запястье появилась метка. Едва заметный идеально ровный круг с точкой посередине. Каллеман отвернул манжету рубашки. У него кружок был полностью темным. В случае если маг нарушит договор, его рука почернеет и отсохнет.

Спустя секунду оба знака исчезли.

– Довольна?

Каллеман посмотрел на меня с насмешкой.

– Более чем, – кивнула в ответ и добавила: – Благодарю, милорд.

– Иди переодейся, – приказал мужчина. – И возвращайся к графу.

– Слушаюсь, милорд.

Я отправилась к себе, сменила одежду, застирала пятно и повесила платье сушиться. Достав сдобную булку, съела ее, мысленно поблагодарив Бетси, умудрившуюся сунуть свежую выпечку мне в сумку, а потом умылась холодной водой и вышла из комнаты. Темный коридор вывел меня в холл, оттуда я прошла к лестнице и поднялась на второй этаж.

Думать о произошедшем не хотелось. Чего уж теперь?

Поздно переживать. Если ввязалась в авантюру, то надо идти до конца. Как там? Не ссы? Я усмехнулась. Порой моя память выдает удивительно точные выражения.

Поправив волосы, задумалась.

Интересно, маги уже ушли? «Серый» говорил, что у него мало времени. Выяснить бы, кто он такой и зачем приходил к Горну. Я вспомнила высокомерное лицо незнакомого лорда и поморщилась. Скорее всего, какой-нибудь аристократ из высших. У них у всех на редкость неприятные физиономии. А Горн? Успокоился уже? Или опять попытается меня выгнать? Впрочем, теперь ему это вряд ли удастся. Раз уж я взялась его вылечить, то он просто обязан будет встать на ноги.

Ничего другого ему попросту не остается.

– Тера Кэтрин, подождите!

Я оглянулась. По коридору торопливо шла тера Дюваль.

– Я хотела с вами поговорить, – чуть запыхавшись, что совсем не шло к ее должности, сказала экономка.

– У меня не очень много времени, – с сомнением посмотрела на женщину.

Действие настойки скоро должно было закончиться, и мне не хотелось оставлять Горна без присмотра.

– Я вас надолго не задержу, – пообещала тера.

– Ну, хорошо, – кивнула в ответ. – О чем вы хотели спросить?

– Вы ведь ухаживаете за милордом, – водянистые глаза

установились на меня с заметным интересом. Сейчас в них и в помине не было прежнего равнодушия. – Как думаете, Его сиятельство выживет?

– Мне трудно судить об этом, я всего лишь сиделка.

Нет, беспокойство местной прислуги было мне понятно – кому захочется лишиться места? – но что-то больно много вопросов они задавали!

– Понимаете, мы все очень переживаем, – убедительно всхлипнула экономка и достала платок. – Лорд Фредерик нам как родной! Милорд никогда не болел, и вдруг это ранение... Такое несчастье!

Она снова всхлипнула и приложила платок, утирая несуществующие слезы.

Однако! Какая трогательная забота...

– Я прекрасно понимаю ваши чувства, – коснувшись руки теры Дюваль, слегка сжала ее пальцы. – Крепитесь. Единый милостив, будем надеяться на лучшее.

– Ах, тера Кэтрин, – снова всхлипнула экономка. – Мы все молимся день и ночь о здравии нашего милорда. Но ведь, говорят, что от амлы нет исцеления?

Она по-прежнему смотрела на меня своими водянистыми глазами, но сейчас в них появилось нетерпеливое ожидание. Надо же, как ошибочно оказалось первое впечатление! Похоже, равнодушием тут и не пахнет!

– К сожалению, я не сильна в подобных вопросах, – грустно вздохнула в ответ. – Это у докторов надо спрашивать.

– Но ведь у вас есть опыт, вы же можете сказать, выживет человек или нет? – продолжала настойчиво расспрашивать экономка.

И эта настойчивость мне очень не понравилась.

– Милорд выглядит неважно.

Я решила, что разумнее будет чуть сгустить краски.

– Очень неважно, – повторила, для пущего эффекта, и добавила: – Вы простите, мне нужно идти. Боюсь оставлять милорда одного.

– Да-да, конечно, – поспешно ответила экономка. – Идите, тера Кэтрин. И если вам что-то понадобится, вы только скажите.

– Хорошо, что вы сами об этом заговорили, – обернувшись, посмотрела на женщину. – В покоях Его сиятельства необходима ежедневная уборка.

– Но ведь милорд...

Тера не договорила.

– Что?

– Милорд сам запретил, – с сомнением произнесла она.

– Его сиятельству вредно оставаться в неубранной комнате.

– Хорошо, – неохотно ответила тера. – Я пришлю Ханну.

– Вот и замечательно.

Я кивнула и отправилась к покоям графа, а тера Дюваль так и осталась стоять в коридоре, и на лице ее застыло какое-то непонятное выражение. То ли озабоченность, то ли

тяжкие раздумья. То ли глухая неприязнь.

Занятная ситуация. Почему-то мне показалось, что экономка очень надеялась услышать от меня о скорой кончине хозяина. Как у нее глазки-то заблестели, когда я сказала, что милорд выглядит неважно! И эти настойчивые расспросы...

Я задумалась. Поведение экономки и прочих обитателей замка выглядело странным. Казалось, все они ждут, когда граф отойдет в мир иной, и совсем не торопятся выполнять свои обязанности. Один Каллеман искренне переживает за друга, а все остальные затаились и ждут. Интересно, чем так насолил им граф? И каких благ ожидают они от его кончины?

Размышляя о поведении прислуги, свернула к покоям графа и неожиданно остановилась, увидев, что в конце коридора мелькнула какая-то тень. Душу полоснуло острым чувством опасности.

– Кто здесь?

В ответ послышался еле уловимый шорох.

– Салли? Это ты?

День был пасмурным, а светильники горели слишком тускло, и разглядеть что-либо в серой полутьме было сложно. Стены отразили мой голос, придав ему какие-то незнакомые нотки. Тревога не отпускала. Кому нужно играть со мной в прятки?

– Кунц?

Тишина показалась мне зловещей.

Старый замок молчал, не желая выдавать свои тайны. Высокие своды тонули в темноте, черные провалы дверей выглядели угрожающе мрачными, истертый красный мрамор растекался под ногами темным кровавым пятном.

«С каких пор ты стала такой трусихой, Кейт? – рассердилась сама на себя. – С чего вдруг у тебя так разыгралось воображение?»

Я прошла до конца коридора, дергая ручки закрытых покоев, осмотрела узкое окно в торцевой стене и вернулась. Никого. Скорее всего, мне просто что-то померещилось. А тревога... Ерунда. Обычная усталость после бессонной ночи.

* * *

Дверь в покои графа я открывала без страха. Не убьет же он меня, в самом деле? Горн не безумец. А то, что швыряется всем подряд и рычит, так это мелочи, на которые при моей профессии не стоит обращать внимания. Это все преодолимо. И потом, в моей практике еще не было ни одного пациента, с которым я не смогла бы договориться. С любым человеком можно найти общий язык, нужно только немного постараться.

С этими оптимистичными мыслями я и вошла в комнату. И запнулась, увидев открывшуюся моим глазам картину.

Горн, раскинув руки, лежал на полу. Его темные волосы

выглядели почти черными на фоне бледного лица, губы побелели, под правой ногой на ковре расползлось бурое пятно.

Рес! Только этого не хватало!

Я громко выругалась и кинулась к своему упрямому пациенту.

– Милорд! Вы меня слышите?

Какое там! Граф не отвечал. Дыхание его было прерывистым и тяжелым.

Я быстро осмотрела мужчину. Рес! Раны открылись, бинты пропитались кровью, повязка, закрывающая глаза, сбилась.

Одна я не справлюсь. Нужно вызывать подмогу.

Я ударила по кнопке звонка, и в ожидании камердинера попыталась привести Горна в чувство. Внутри разрасталась тревога.

– Давай же, парень, открой глаза! – шептала я. – Ты не можешь лишить меня работы! Ты должен выжить, слышишь?

– Ох, тера!

Испуганный возглас Салли заставил меня поднять голову. Нет, горничная тут не помощник. Горн слишком тяжелый.

– Позови еще кого-нибудь. Нужно перенести милорда на кровать.

– Я сейчас, тера. Я мигом, – откликнулась девушка и убежала, бросив дверь открытой.

– Что ж вы такой упрямый, милорд? – пробормотала я,

нащупывая пульс на руке мужчины.

Рес! Сердце Горна билось слабо и с перебоями.

– Вот, видите? – слышался голос Салли. – Его сиятельство упали.

В комнату, вслед за девушкой, вошли двое парней, которых я не так давно видела на кухне.

Они замерли при виде лежащего на полу Горна, а потом переглянулись и дружно сделали шаг назад.

– Чего ждем?

Я сердито посмотрела на слуг. Те молчали и переминались, неуверенно поглядывая на графа. Ох, и работнички! С места не сдвинутся!

– Ну? Долго еще глазеть будете?

Парни неохотно приблизились, подняли Горна и перенесли его на постель. При этом они все так же испуганно переглядывались, словно до смерти боялись своего хозяина. Странно. Неужели граф настолько всех запугал?

– Мы вам больше не нужны, тера? – спросил один из слуг. Высокий, сероглазый, он был слишком крупным и неуклюжим, и, казалось, не знал, куда деть свои огромные руки.

Я уже собиралась ответить, но в этот момент граф застонал, дернулся, и парни дружно попятились к выходу.

– Мы, пожалуй, пойдем, – тихо пробормотал второй слуга – низенький, коротконогий, с забавным рыжим ежиком на голове.

– Вон! – еле слышно просипел пришедший в себя Горн. –

Уходите... Убирайтесь!

Салли пискнула и бросилась к двери, слуги, толкаясь, устремились следом, и, спустя пару секунд, мы с графом остались одни.

– А ты? Тебе что, еще раз повторить? – задыхаясь, произнес мужчина.

– А вы какие-нибудь другие слова знаете? – язвительно поинтересовалась в ответ. – А то только и слышно: убирайтесь, пошли вон... Скучный у вас лексикон какой-то.

Горн рванулся, пытаясь подняться, но у него ничего не вышло, и он рухнул обратно и отвернулся, но я успела заметить, как лицо мужчины исказилось от боли.

– Вы мне лучше объясните, чего вам на кровати не лежалось? Зачем на полу устроились? Ковер, между прочим, грязный. У вас тут две недели не убирались. И осколки на нем остаться могли. Пыль, опять же.

Я говорила, а сама потихоньку занималась перевязкой. Горн молчал, но терпел. Лишь по крепко сжатым губам было понятно, что ему больно, но тут уж я ничем не могла помочь. Настойку я давала ему не так давно, а превышать дозу было опасно.

– Долго еще? – еле слышно спросил больной.

На лбу его выступили крупные капли пота.

– Уже заканчиваю, – отозвалась я.

Повязку на лице решила пока не трогать. Хватит с Горна острых ощущений. Пусть отдохнет немного.

Чуть слышный скрип двери заставил меня поднять голову.

– Эрик, это ты? – тут же напрягся больной.

– Да, – отозвался Каллеман. Он вошел в комнату и быстро прошел к постели больного. – Дерек, ну зачем ты встал? Я же просил, чтобы ты дождался меня!

Ага. Уже доложили... Не слуги, а настоящие шпионы.

– Проводил Борна? – проигнорировав его слова, спросил граф.

– Да. У него через полчаса доклад. Как ты себя чувствуешь?

Маг окинул Горна обеспокоенным взглядом, а потом перевел его на меня, безмолвно требуя отчета. Я развела руками.

– Как видишь, все еще жив, – хмыкнул граф. – Так и передай этим недоумкам.

Я догадалась, что он имел в виду докторов. Каллеман тоже это осознал. Лицо его приняло извиняющееся выражение.

– Дерек, все не так, как тебе кажется, – попытался оправдаться маг. – Кауниц не имел в виду ничего плохого. Да и остальные...

– Если еще хоть кто-то из них появится рядом с моей постелью – пристрелю, – оборвал его Горн.

Мне стало не по себе. Если граф возьмется за оружие... Надеюсь, ни у кого не хватит ума принести лорду пистолет? Видимо, мысли Каллемана текли в том же направлении.

– Дерек, ты должен меня понять, – расстроенно сказал маг. – Я ведь беспокоюсь о тебе.

– К ресу твоё беспокойство! – грубо ответил Горн и скривился от боли. – Ноги я им не отдам, так и знай! Предпочитаю на своих двоих до эльхейма добраться!

Он сжал кулаки, пытаясь сдержать прорывающийся стон, но не смог и глухо прорычал:

– Рес! Проклятье!

– Сделай что-нибудь, – повернулся ко мне Каллеман. На его бесстрастном, обычно, лице читалась тревога.

Я покачала головой.

– Настойку можно будет дать только через несколько минут. Мы и так превысили норму.

В этот момент Горн грязно выругался и схватил меня за руку.

– К ресу твои заумные рассуждения! – выкрикнул он. – Помолчи хоть немного!

– Как скажете, милорд.

Я попыталась высвободиться, но не тут-то было. Горн держал крепко.

– Только и знаешь, что спорить, – пробормотал он и отвернулся, но руку мою так и не отпустил.

– Дерек, я разговаривал с твоей матерью, – тихо сказал Каллеман.

Он склонился над раненым, глядя на него с заметной тревогой. Вообще рядом с Горном маг разительно менялся. Да-

же его бездушные глаза казались совсем другими – живыми, яркими, человеческими.

– И что? Моя дражайшая матушка теперь уверена, что я при смерти?

Граф презрительно хмыкнул.

– Ну зачем ты так? Она переживает. После вашей размолвки прошло уже полгода. Ты не думаешь, что вам давно пора помириться?

– Когда она придет? – резко спросил больной.

Каллеман замялся.

– Дерек, я...

– Я спросил, когда она придет? – перебил его Горн.

– Завтра утром, – виновато ответил Каллеман.

– Мне все равно, как ты будешь с ней объясняться, но я не хочу ее видеть, – отрезал граф. – Сам все это заварил, сам и расхлебывай.

– Дерек, послушай, я понимаю, она была права, – торопливо заговорил Каллеман, – но нельзя же быть таким злопаятным? И потом, леди Камилла хотела как лучше. Может, пора уже вам поговорить? Тем более сейчас, когда...

Маг неожиданно замолчал, оборвав речь на полуслове.

– Ну, что же ты? Договаривай, – усмехнулся Горн. – Ты ведь тоже думаешь, что я не выкарабкаюсь? Видишь, Кэтрин, – он повернулся ко мне и сильнее сжал мою руку. – Даже лучший друг не верит, что я поправлюсь, а ты пытаешься убедить меня в обратном.

Он разжал пальцы, и моя ладонь выскользнула из его захвата.

– Дерек, ты все неправильно понял, – принялся оправдываться Каллеман. На его лице явственно читалось отчаяние. – Я не это имел в виду!

– Брось, Эрик. Я прекрасно понимаю, что от амлы нет спасения, – устало ответил Горн и добавил: – Найди этих тварей, Эр. И уничтожь. Тогда я умру спокойно.

Он отвернулся к стене и затих.

– Дерек, перестань! – вскинулся Каллеман. – Ты не умрешь! Кэтрин, что ты молчишь? – обратился он ко мне. – Скажи, что граф поправится! Ну?

– Оставь девушку в покое, Эрикен, – тихо произнес Горн. – Она тут ни при чем. Я слышал все, что сказал Кауниц. Сколько он мне дал, если я откажусь от ампутации? Неделю? Две?

– О чем ты?

– Перестань, Эр. Глупо закрывать глаза на правду.

– Дерек!

– Иди. Я хочу отдохнуть, – еле слышно ответил граф.

Лицо его побледнело, щеки осунулись еще больше, губы стали белыми.

– Вам лучше уйти, – посмотрела я на Каллемана. – Через несколько минут я дам милорду настойку, и он уснет.

– Спустись потом вниз, – кивнул Каллеман. – Я буду ждать тебя в кабинете.

– Она хорошенькая, Эрик? – неожиданно спросил Горн.

– Кто?

– Кэтрин.

– Скажете тоже, милорд, – хмыкнула я, не давая Каллеману ответить. – И охота вам над моей внешностью потешаться? Грех это.

Я постаралась воспроизвести простонародные интонации.

Маг чуть нахмурился, не понимая, в чем дело, но опровергать мои слова не стал.

– Обычная, – ответил он неохотно. – С чего ты взял, что она хорошенькая?

– Знаю твои вкусы, – хрипло прошептал Горн и закашлялся. – Ладно, иди, – спустя какое-то время сказал он. – И не вздумай пускать сюда мою мать.

Маг беззвучно выругался. Правда, возражать не стал и молча вышел из комнаты.

– Ты тоже пока иди, – шевельнул рукой Горн. – Я хочу побыть один.

– Хорошо, милорд, – мне пришлось согласиться с его распоряжением. – Только сначала я дам вам лекарство.

В этот раз он не сопротивлялся. Покорно выпил разведенную настойку и отвернулся к стене. Подобная покладистость мне совсем не понравилась. Я осторожно приложила руку к его лбу. Так и есть. Жар усилился, отсюда и вялость, и нежелание разговаривать, и отсутствие сил.

– Хорошо, – тихо прошептал Горн. – Прохладно...

Я осторожно убрала ладонь, думая, что он бредит, но граф тут же беспокойно дернулся и хрипло сказал:

– Подержи еще.

Мне пришлось вернуть руку на место и ждать, пока он уснет. В душу невольно закралась жалость. Я смотрела на лежащего передо мной мужчину. Сильный, крепкий, с красивым телом и хорошо развитой мускулатурой. Темные волосы слегка выются, на щеках проступает отросшая щетина, губы плотно сомкнуты. Сколько ему? У магов трудно определить точный возраст, но Горн выглядел лет на тридцать-тридцать пять. Хотя, на самом деле, ему могло быть и пятьдесят, и семьдесят, и даже сто. Как и Каллеману. Долголетие магов было общеизвестным фактом.

Горн чуть шевельнулся, словно пытаюсь что-то сказать, но настойка взяла свое, и вскоре он уснул. Дыхание его выровнялось, черты лица расслабились, крепко сжатые кулаки разжались.

Я подтянула сбившееся покрывало и укрыла своего пациента. А потом, осторожно прошла к выходу и тихо выскользнула за дверь.

* * *

– Вот то, что ты просила.

Каллеман кивнул на небольшую шкатулку, украшенную эрийской резьбой.

Оперативно. Не прошло и получаса, а маг уже успел добыть жвальник.

Я откинула крышку. На мягкой бархатной подкладке светлым пятном выделялся тонкий, похожий на длинный указательный палец, корень.

– Уверена, что поможет? – глухо спросил Каллеман, бросив на меня расстроенный взгляд. От былой самоуверенности мага не осталось и следа. Лицо его осунулось, между бровями появилась небольшая продольная морщинка, под глазами залегли глубокие тени.

Он нервно расхаживал по кабинету, не останавливаясь ни на минуту.

– Трудно сказать наверняка, милорд, но лорд Горн – крепкий мужчина, к тому же, маг. Будем надеяться на лучшее.

– Кэтрин, ты должна сделать все возможное, – с напором произнес Каллеман.

Он остановился передо мной, уставился своими невозможными глазами, словно пытаясь добраться взглядом до самых глубин души, и характерным жестом потер бровь.

– Я постараюсь, милорд.

– Каратен ураз! – тихо пробормотал маг и вновь возобновил свое хождение.

М-да... Не думала, что аристократы способны на такие ругательства.

– Я могу идти?

Мне надоело наблюдать за бесконечным мельтешением и

хотелось поскорее заняться приготовлением отвара.

– Подожди, – Каллеман поднял с кресла небольшую кожаную сумку и протянул ее мне. – Тут все, что ты просила, – пояснил он.

Я заглянула внутрь. Бутылки с апесом, обеззараживающая настойка, жаропонижающее, бинты, корпия, салфетки, набор инструментов, дренажи.

– Если нужно что-то еще, только скажи.

Каллеман смотрел на меня с ожиданием.

– Самое главное вы достали, – я прижала к груди шкатулку с жвальником. – Я пойду, милорд. Приготовлю отвар для лорда Горна.

– Хорошо, – кивнул маг. – Иди.

Я уже подходила к двери, когда услышала:

– Кэтрин!

– Да, милорд?

Мне пришлось обернуться.

– Почему ты обманула графа?

– О чем вы, милорд?

– О твоей внешности. Зачем ты солгала?

Каллеман уставился на меня странно задумчивым взглядом.

– Не хочу, чтобы лорд Горн еще больше чувствовал свою ущербность. Ему было бы неприятно, знай он, что его немощ видит симпатичная девушка. Поэтому прошу вас, милорд, не разубеждайте своего друга.

– Ладно, иди, – махнул рукой Каллеман.

Я положила в сумку шкатулку и направилась к двери. Правда, на пороге не выдержала и обернулась.

– Можно спросить, милорд?

Каллеман нахмурился.

– Что ты хочешь узнать? – уточнил он.

– Кто совершил покушение на лорда Горна?

С самого первого дня мне не давал покоя этот вопрос. И я очень надеялась, что маг на него ответит.

– Тебя это не касается, – резко произнес Каллеман. Он отвернулся и вновь потер бровь указательным пальцем. – И вообще, с чего ты решила, что это было покушение?

– Характер ран, милорд. Понятно же, что графа пытались убить.

– Понимала бы что, – тихо пробормотал Каллеман. – Иди, занимайся своим делом, и не лезь туда, куда не просят.

Он подошел к окну и достал из кармана портсигар. Я видела, как маг вытащил тонкую сигарету, чиркнул стором, прикурил, глубоко затянулся. По комнате поплыл горьковатый аромат. В памяти возникло схожее воспоминание. Темное помещение, круг света от настольной лампы, глубокие кожаные кресла, высокие книжные шкафы. И мужское лицо, скрытое легкой сигаретной дымкой. Я видела только тонкие губы и крупный квадратный подбородок с характерной ямочкой посередине. «Иди, – словно наяву послышался хриплый прокуренный голос. – Даю тебе три дня. Ты должна

вернуть эти деньги».

Я вздрогнула. Проклятье! В последнее время воспоминания возвращаются все чаще. Причем в самый неподходящий момент.

– Ты еще здесь? – обернувшись, недовольно бросил Каллеман, и видение исчезло.

– Уже ухожу.

Дернув на себя ручку, вышла за дверь и отправилась на кухню готовить отвар.

* * *

Следующий день ознаменовался приездом вдовствующей графини Эргольской. С самого утра в доме царил суета. Горничные убирали и проветривали гостевые покои, кухарка готовила разные немыслимые блюда, лакеи бестолково носились туда-сюда, дворецкий озабоченно протирал серебро, а экономка устроила ревизию кладовки и ругала служанок, не уследивших за каким-то древним сундуком. Там завелась моль, и это явилось для тере Дюваль настоящим потрясением.

Я во всеобщем помешательстве не участвовала. Лишь однажды спустилась на кухню за отваром, а потом поднялась наверх и больше не покидала комнату графа. Как ни странно, во всем огромном доме она была самым спокойным местом. Сегодня даже на хозяйском этаже наметились переме-

ны – слуги, избегавшие приближаться к покоям Горна, то и дело проскакивали мимо, вынося из бывшего будуара леди Горн то любимые подушки графини, то какие-то безделушки, то содержимое ее трюмо.

Хорошо, что вчера, когда я несколько часов готовила лекарство, на кухне было относительно немногочленно – кухарка Хильда занималась заливным из рыбы, да две работницы сортировали ощипанную птицу, – и мне никто не мешал. А ведь приготовление жвальника – та еще морока! Нельзя отвлекаться ни на минуту. Одно неверное движение, одно неправильно сказанное слово – и все усилия окажутся напрасны, а отвар – непригодным. Вот и приходилось проявлять чудеса аккуратности и внимательности.

Леди Горн приехала ближе к обеду. Я как раз стояла у окна, когда у крыльца остановились два больших четырехместных мобиля, и из первого вышла высокая худошавая женщина в светлом мантии и широкополой шляпе, а из второго выскочили четыре миниатюрных девушки в одинаковых синих пальто и голубых шляпках. Камеристки, определила я. Они принялись вытаскивать из вместительного багажника бесчисленные чемоданы и коробки, составляя их на ступенях.

Дама в сером что-то тихо сказала шоферу.

Я видела, как качнулись страусиные перья, как блеснул серебристый мех воротника, каким изящным жестом графиня поправила шелковый шарф. М-да. Эффектная леди. На-

стоящая аристократка из высших.

Осторожно опустив занавеску, я уже собиралась отойти, но в этот момент женщина что-то сказала слуге и подняла голову. Взгляд ее остановился на окнах спальни Горна.

На миг мне показалось, что графиня посмотрела прямо мне в глаза, но тут во двор вышел дворецкий, и леди обратила свое внимание на него. А потом подъехал еще один автомобиль, и из него появился Каллеман.

– Что там? – подал голос Горн.

Все утро он вел себя на редкость тихо. Лежал, отвернувшись к стене, покорно принимал отвар жвальника и даже не пытался меня прогнать. Интересно, как он понял, чем я занимаюсь? Который раз убеждаюсь, что у графа очень хорошо развит слух. И чутье.

– Приехала какая-то дама, – отходя от окна, ответила я.

– Рес!

– Лорд Каллеман тоже приехал, и сейчас они направляются в дом.

– Ну конечно, – недовольно пробормотал граф. – Куда ж без него?

Он повернул голову в мою сторону и приказал:

– Закрой дверь на замок.

– Милорд?

Я удивленно покосилась на своего пациента.

– Ты что, не слышишь? – вспыхнул тот. – Закрой эту ресову дверь!

– Мне кажется, это неразумно, милорд.

– Я что, спрашивал твое мнение?

– Нет, милорд.

– Ну так делай, что говорят!

Он попытался подняться.

– Милорд, вам нельзя вставать.

– Заткнись! – Горн с трудом сел на постели и спустил ноги на пол. – И вообще, проваливай отсюда! Без тебя обойдусь...

Он грязно выругался.

Рес! До чего же упрямый! Вот что и кому он пытается доказать? Наградил же Единый характером...

Я попыталась уложить графа обратно.

– Я тебе что велел? Уходи! Чтобы духу твоего здесь не было! – рявкнул тот, обхватывая меня за талию и пытаясь отшвырнуть от себя.

Ага. Так я и позволила! Это только с виду я хрупкая, а на самом деле и не с такими силачами справлялась.

– Прекратите буяннить! – строго прикрикнула на своего упрямого пациента и вдруг почувствовала, как его руки сжались сильнее. – Немедленно, – повторила я.

Но граф меня не слышал. Его ладони прошли по моим бедрам, вернулись на талию и поднялись вверх, к груди. Я задохнулась от возмущения, собираясь высказать все, что думаю о подобном нахальстве, но, в этот момент, за моей спиной еле слышно скрипнула дверь, и раздался высокий женский голос:

– Пожалуй, мы не вовремя.

Граф замер, а я обернулась и увидела стоящую в дверях женщину. Глаза ее перебегали с меня на Горна, и взгляд дамы был на редкость умным и проницательным.

– Эрик, ты убеждал меня, что мой сын при смерти, но, как я вижу, все не так плохо.

Леди Горн посмотрела на стоящего рядом Каллемана.

– Мы зайдем позже, дорогой, – обратилась она к сыну и кивнула, предлагая магу выйти.

Дверь закрылась, а Горн так и не пошевелился, продолжая крепко обнимать меня за талию.

– Отпустите, – буркнула я, выбираясь из его объятий. – И вообще, вам лучше лечь. Иначе кровотечение откроется.

– Значит, говоришь, уродина? – словно не слыша меня, задумчиво произнес Горн.

– Лягте, милорд.

– А это даже забавно, – хмыкнул граф. – Теперь матушка убеждена, что слухи о моей близкой кончине сильно преувеличены.

– Если вы сейчас же не ляжете, эти слухи станут реальностью, – сердито фыркнула я.

Поганец! Выставил меня девицей легкого поведения и доволен!

– Ладно, уймись, – усмехнулся больной. – Помоги мне лечь.

Ага. Как геройствовать, так сам, а теперь на жалость да-

ВИТ...

Я уложила Горна, подоткнула подушки и напоила его отваром.

– Желаете что-нибудь еще, милорд?

Мне с трудом удалось сдержать сарказм.

– Сходи к Каллеману, скажи, пусть зайдет.

– Один? Или с вашей матушкой?

– Один. И принеси мне зеленых яблок.

Ничего себе! Неужели, к графу возвращается аппетит? Это хорошая новость. Нет. Это просто чудесная новость! Ради нее я даже его недавнее нахальство готова забыть!

– Слушаюсь, милорд.

Я кинула на своего пациента довольный взгляд и отправилась выполнять поручение.

* * *

Каллемана с графиней застала в гостиной за тихой беседой.

Они сидели в креслах, маг что-то говорил, леди Горн слушала и задумчиво кивала, а потом до меня донесся ее вопрос:

– Эрикен, может быть, ты проведешь Хьюго в замок?

– Боюсь, Дерек будет против, миледи, – покачал головой Каллеман. Выглядел он серьезным и озабоченным. Мне порой казалось, что маг совсем разучился улыбаться. А может,

и не умел никогда.

В этот момент, он повернулся и увидел меня.

– Чего тебе, Кэтрин?

Каллеман уставился напряженным взглядом.

– Лорд Горн просил вас зайти, милорд.

– Одного?

– Да, милорд.

Женщина едва заметно нахмурилась, и маг тут же поторопился ее успокоить:

– Леди Камилла, это ничего не значит. Я уверен, Дерек обязательно захочет с вами увидаться. Дайте ему немного времени.

– Иди, Эрик, – не отвечая на его слова, грустно улыбнулась леди Горн. – Не заставляй моего сына ждать.

Я посторонилась, пропуская Каллемана, и собиралась выйти вслед за ним, но графиня неожиданно окликнула меня:

– Кэтрин, ты не могла бы остаться ненадолго?

– Да, миледи.

Я чуть склонила голову, с произвольным интересом разглядывая подол элегантного серого платья графини, тонкие шелковые чулки, остроносые туфли на небольшом каблучке.

– Подойди ко мне, – приказала леди Горн. Голос ее звучал тихо, но в его интонациях мне почудилось напряжение. – Скажи, правда, что лорд Горн умирает? – дождавшись, пока

я встану перед ней, спросила она.

– Доктора полагают, что да.

– А ты? Как считаешь ты?

Графиня впилась в меня взглядом.

– Я всего лишь сиделка, миледи, – как можно смиреннее сказала в ответ.

– Но Эрик говорит, что ты сумела поставить его на ноги.

– Лорд Каллеман преувеличивает, миледи. Его рана зажила без моего вмешательства.

– И все-таки, – леди Горн снова пытливо заглянула мне в лицо. – Ты же можешь предположить...

– Я надеюсь, что Единый будет милостив к лорду Горну.

Мне не хотелось поддаваться непреодолимому желанию рассказать графине все, что знаю. И даже то, чего не знаю.

Взгляд ее глубоких черных глаз вынуждал меня сделать это, но я держалась. Проклятая магия... Видно, у матушки графа что-то вроде ментального дара. И сейчас она пытается применить его ко мне. «Корабли лавировали-лавировали, да не вылавировали». Сосредоточенная на том, чтобы правильно выговорить фразу, я смогла преодолеть чужое влияние. Этому фокусу меня научил Жиль – старый картежник из «Серой Утки». Жильберу не раз доводилось играть с одаренными, и он знал много всяких приемчиков, помогающих справиться с незаметной «промывкой мозгов».

– Кэтрин, ты должна сказать мне правду, – мягко произнесла леди Горн.

– Я делаю все возможное, чтобы лорду Горну стало легче, но я не могу обещать, что милорд поправится.

– Но вы с ним...

Графиня не договорила.

– Если у него хватает сил на...

Она снова не стала заканчивать свою мысль.

– Разумеется, ты понимаешь, о чем я.

Леди Горн посмотрела на меня выжидающе.

– Это не то, о чем вы подумали, миледи. Я просто помогала милорду лечь.

– Ах, ну да. Теперь это так называется, – тонко усмехнулась графиня.

Она замолчала и отвернулась к окну. Несмотря на возраст, леди Горн была очень красива.

Белая, почти фарфоровая кожа, высокие скулы, тонкий точеный носик, пухлый капризный рот. Лишь небольшие морщинки в уголках глаз, да пронизательный, умудренный опытом взгляд выдавали в ней много пожившую женщину.

– Можешь идти, – неожиданно сказала она и небрежно махнула рукой, словно прогоняя надоедливую муху.

Похоже, графиню расстроило мое нежелание «сотрудничать». Но тут уж ничего не поделаешь. Откровенничать я не люблю, да и, если честно, не умею.

– Миледи, – я коротко поклонилась и поторопилась покинуть гостиную.

На втором этаже было тихо. В пустынном коридоре мои шаги отдавались глухим эхом. После того случая, когда мне померещилась какая-то тень, я все время непроизвольно ожидала неведомой опасности, но ничего не происходило.

Я остановилась возле двери. Маленькая щель, заманчиво светлеющая в проеме, предлагала подойти поближе и послушать, о чем говорят Каллеман и Горн. Думаете, я отказалась? Ничего подобного! Прильнув к стене, замерла и затаила дыхание.

– И что? Совсем никаких сведений? – слышался хриплый голос Горна.

– Не то чтобы совсем никаких, – глухо произнес Каллеман. – Ее родители действительно проживали в Ютланде, умерли во время эпидемии виру.

Ого! А вот это уже интересно! С чего бы магу интересоваться моим прошлым?

На душе стало беспокойно. Если Каллеман докопается до правды...

– Тогда что не так? – спросил Горн. – Ведь что-то тебя насторожило?

– Не знаю. Вроде все сходится, но кое-какие мелочи выбиваются из общей картины. Судя по рассказам тех, кто знал Кэтрин Стоун раньше, девушка всегда была скромной и мол-

чаливой. И не вызывала особого интереса, чего не скажешь о той Кэтрин, которую мы знаем.

Рес! Рес-рес-рес! Я плотнее прижала к себе вазу с яблоками. Чтоб этому въедливому магу! И сиятельству вместе с ним!

– Значит, все-таки хорошенькая? – хмыкнул граф. – Интересно, почему она мне солгала?

– По ее словам, не хотела тебя смущать.

– А вы, значит, даже об этом разговариваете?

– Дерек, успокойся. Это глупо.

– Ты с ней спал?

– С чего ты взял?

– Я ведь тебя знаю, Эрикен. Хорошенькие крестьяночки – твоя слабость.

– В отличие от тебя, я не замахиwaюсь на особ из высшего света, – хмыкнул Каллеман. – Кстати, леди Алиса очень интересовалась, куда ты пропал.

– Надеюсь, ты нашел, что сказать?

– Разумеется. Дела государственной важности – очень обтекаемое понятие, под него можно подвести все, что угодно.

– И все-таки ты не ответил, – настойчиво произнес Горн. – Ты спал с моей сиделкой?

– Нет, – недовольно ответил Каллеман.

– Странно. На тебя это не похоже.

– Знаешь, Фредерик, мне сейчас немного не до того, – раздраженно буркнул маг. – И ты об этом прекрасно осведом-

лен. Пока мы не поймаем этих тварей...

Он не договорил. В комнате повисла тишина.

– Никак не могу понять, как я оказался на полу, – спустя минуту с сомнением сказал Горн. – Не помню, чтобы пытался встать.

– Ничего удивительного. Ты был в беспамятстве, все рвался куда-то. А тут еще Кэтрин рядом не было, вот ты и упал.

– Думаешь? Ладно, – задумчиво ответил Горн, но сомнение из его голоса никуда не делось. – Что еще удалось узнать про девчонку?

– Ее работа, – задумчиво произнес Каллеман. – Ни один больной из тех, за кем она ухаживала, не умер. Даже самые тяжелые. И все, как один, жалели, что она ушла.

– Полагаешь, магия?

– Нет. У Кэтрин нет дара, это я первым делом проверил.

– Уже и это успел? Неужели она согласилась?

– Кто ее спрашивал? – хмыкнул Каллеман. – Мы заключили магический договор. Ты же знаешь, если бы в ней была хоть капля дара, я бы почувствовал.

Рес! Вот почему Каллеман так легко согласился на мое предложение! А я-то гадала, с чего он пошел мне навстречу.

– Это странно, но рядом с ней мне тоже становится легче, – задумчиво сказал Горн. – И боль уходит. И тьма не так одолевает.

– А я тебе говорил.

– Да, помню. Прости, что усомнился. Может, проверить

ее на сфере?

– Дерек, я же тебе сказал, нет у нее дара.

– Тогда что с ее аурой?

– А что с ней не так?

– Неужели не заметил?

– Ты же знаешь, я в этом не силен.

– Три оттенка синего и два – желтого. Цвета очень сильной магии жизни.

– Да? Странно.

– Если она не та, за кого себя выдает, на это должна быть веская причина, – задумчиво произнес Горн. – И, Эр, ты должен эту причину выяснить.

– Ты можешь объяснить, зачем?

– Если хочешь, назови это предчувствием, – в голосе Горна послышалась насмешка. – Или моей прихотью, – добавил граф и посерьезнел: – Но сведения мне нужны уже завтра.

– Слушаюсь, лорд Карающий, – с некоторой иронией ответил Каллеман. – Что, полегчало? Прежние замашки возвращаются?

– Уймись, Эрикен, – в голосе Горна послышались властные нотки.

Карающий? Выходит, мой пациент принадлежит к самой верхушке военной элиты? Рес! Только этого не хватало!

«Ты потрясающе везучая девчонка, Кейт, – пришла непрошенная мысль. – Из всех возможных вариантов неприятностей выбрать самые крупные! Это еще уметь нужно!»

– Сеймер уже вернулся? – спросил Горн.

– Да, ночью.

– И что?

– Ничего. Эти твари как в воздухе растворились. Никто их не слышал и не видел.

– Рес! – выругался Горн. – А ведь были почти у нас в руках!

– Тебе удалось хоть что-нибудь вспомнить?

– Нет. Сплошная темнота. А у тебя?

– Аналогично. До сих пор не знаю, почему меня выбросило в Бреголе, и как я оказался в той вонючей таверне.

– Может, и неплохо, что ты там оказался. По крайней мере, обзавелся отличной сиделкой.

– Хоть какая-то польза, – хмыкнул Каллеман.

Он что-то тихо добавил, а Горн рассмеялся, и я поймала себя на мысли, что впервые слышу его смех. Что ж, дело определенно идет на лад. В графе я не ошиблась. Мое первое впечатление о нем оказалось верным. Такие, как он, не сдаются ни болезни, ни смерти.

В душе шевельнулась тихая радость. А потом стало грустно. Еще пара недель – и Горн окончательно поправится. А мне придется искать себе новое место. И все вернется на круги своя. Хотя это и к лучшему. Не хватало еще, чтобы маги раскопали мое прошлое! Как и не хватало влюбиться в своего упрямого пациента. Не нравилось мне то, что я чувствовала. С каждым днем простая забота о больном перераста-

ла во что-то другое, чему я не хотела искать определения, и мне было все сложнее смотреть на него как на обычного пациента. Только ведь это глупо. Влюбиться в мага? Совершенно невозможно. Надо быть совсем уж дурочкой, чтобы поддаться ненужным чувствам.

Думать о плохом не хотелось. Категорически. «Довлеет дневи злоба его», – всплыли в памяти смутно знакомые слова, и я, постучав, решительно вошла в покои графа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.